БРОДЯГА

НАЧАЛО

КНИГА ПЕРВАЯ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Хитрый Даос

Хитрый Даос

Бродяга начало. Книга первая

«Автор»
2026

Даос Х.

Бродяга начало. Книга первая / Х. Даос — «Автор», 2026

Восемнадцать лет Антон Королев служил в космофлоте, копя кредиты на мечту о свободе. Уволившись в 38 лет, он покупает свой первый старый корабль и уходит на дальние рубежи — искать редкие минералы, потерянные грузы и шанс разбогатеть. Но за границей обжитых систем мечта о тихой жизни превращается в борьбу за выживание: пираты, корпорации, тайны военного прошлого и люди, которым очень нужно, чтобы Антон либо работал на них, либо исчез.

© Даос Х., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Надежда — мой компас 5
Глава вторая. И почему так невесело 14
Глава третья. Начало добычи, первые 17
Глава четвертая. Ремонт и возвращение обратно 22
Глава пятая. 28
Глава шестая. Риск дело благородное 34
Глава седьмая. Слишком тихо 39
Глава восьмая. Пустота 43
Глава девятая. Эксперименты 50
Глава десятая. Во всем должен быть баланс 57
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Хитрый Даос
Бродяга начало. Книга первая

Глава первая. Надежда — мой компас земной

И вот я бродяга-шахтер.

Две недели, целых две недели я безвылазно сижу на этом холодном куске астероида в поле астероидов. Кроме меня, искина, моего техника по имени Саня и горнодобывающего оборудования, которое работает уже более 14 дней, здесь нет ничего.

Богом забытая дыра. Даже в официальном каталоге систем у неё нет названия. И попал я сюда, конечно, не случайно.

Среди военных ходил слух: далеко от центральных хорошо освоенных систем, за 18 световых лет отсюда, несколько счастливчиков нашли богатые минералами жилы и успели их освоить. Что именно они нашли, до конца не понимал никто. Кто-то говорил о металлической жиле — мол, металл используют в броне космических кораблей, и жила невероятно ценная. Кто-то уверял, что в том же поясе астероидов нашли драгоценные камни, а кто-то точно знал, что искали и нашли там золото. Не то чтобы камни или золото стоили баснословно, но в таком огромном количестве, про которое шло речь, добытчики явно могли продать найденное за крупный куш.

А если сам добыть не смог — мог хотя бы продать координаты места.

Слухов ходило много.

Самое странное было не в них, а в том, что мы, находясь за восемнадцать световых лет от этих жил, каким-то образом узнали о находке. Неизвестно, кто первым заговорил о богатых жилах на краю обитаемого космоса, но обсуждения шли долго.

Настолько долго, что я как раз успел уволиться со службы и собирался покупать свой первый корабль.

А тут такой шанс.

Не просто лететь в неизвестность — а с конкретными координатами на карте. Бери грузовоз и лети осваивать богатые жилы, пока остальные не додумались и не прибрали всё к рукам.

Хотя изначально, когда я готовился покорять космос, планы у меня были немного другие. Зарабатывать хлеб разработчиком жил — а по-простому, шахтёром — я точно не хотел.

Но так сложилось.

Я отслужил на военной станции 18 лет, большую часть из которых летал на боевых кораблях. Моё увольнение в чине старшего лейтенанта совпало с этими разговорами о богатых жилах. Контракт закончился, новый подписывать я не стал. По контракту мне полагались шесть окладов, надбавки за звание, боевые вылеты и прочие заслуги.

Зарплата у военного, особенно у второго заместителя командира эсминца, была неплохая: около двадцати двух тысяч кредитов в месяц. Плюс боевые вылеты, награды и хорошие отношения с командирами. В итоге отступные вышли порядка ста семидесяти четырёх тысяч кредитов.

Для сравнения: инженер на станции получал в среднем двенадцать тысяч, а работяга на планете — хорошо если восемь.

Флот платил достойно. Риски, правда, тоже были выше. Но армия своих не бросает — по крайней мере, в денежном плане.

За восемнадцать лет я скопил чуть больше двух с половиной миллионов кредитов. Мог и больше, но копить по-настоящему начал только после 5-ти лет службы, молодой еще был, тратил много, да и думал связать судьбу с флотом самой до пенсии.

На скопленные деньги я купил не яхту, о которой мечтал, а потрёпанный грузовоз. Плюс бывшее в употреблении горнодобывающее оборудование, которое было не в лучшем состоянии, и кучу программ к нему.

Пока буду лететь, изучу всё в обучающей капсуле. Новому ремеслу шахтёра ещё учиться и учиться. А времени у меня будет предостаточно.

Когда увольнение оформили, я попрощался с флотскими друзьями и в срочном порядке вылетел в систему RX0021.

Полёт занял два месяца.

За это время я дошёл до четвёртого уровня программы «Шахтёр» и пятого уровня «Горная выработка». Потом начал изучать сканер и всё оставшееся время вкладывал именно в него. В итоге достиг шестого уровня программы сканирования и распознавания залежей.

Обычные шахтёры выше пятого уровня эту программу не проходят. Во-первых, в магазинах её просто нет. Во-вторых, тест слишком сложный, а работяге он без надобности.

Мне повезло: флотские установили мне версию вплоть до седьмого уровня. Выше — только у разведки.

Да и опыт помог. Я много летал на эсминце, сидел в засадах, дежурил, изучал местность, запоминал приметы, искал шахты, тоннели и пещеры. Поэтому первые пять этапов обучения дались мне легко.

К сожалению, почти все сбережения я потратил. Придётся экономить.

Наконец я добрался до системы RX0021. Здесь была только одна обитаемая планета, под названием «Новая» и рядом с ней на расстоянии дня пути, был огромный пояс астероидов, раскинувшийся на многие сотни миллионов километров. Судя по навигационным картам, в соседней системе тоже есть астероидные осколки, и похоже даже побольше, чем здесь, но обитаемых планет не вижу, хотя корабли курсируют между системами. Я пошел на приземление на планете Новая.

Получив разрешение искина, я зарегистрировался как впервые прибывший. Указал, что бывший военный, прилетел добывать минералы в ближайшем поясе астероидов и планирую перепродавать руду в городе.

На таможне с меня сняли метрику для ИИ и выдали постоянный допуск на размещение малого корабля в космопорте, на отдельной площадке. За год я заплатил сразу две тысячи

пятьсот кредитов — так вышло дешевле, чем платить каждый раз отдельно. К тому же судно стояло на открытой площадке, и подъезд к нему был удобен для погрузки и разгрузки.

Мне также выдали допуск на посещение города и торговлю.

Свой военный допуск я сдал ещё на базе, поэтому мне полагалась замена на гражданский. Статус бывшего военного сделал своё дело: допуск мне дали высокого, пятого ранга.

Это означало скидки на жильё, возможность открыть своё дело, пониженный налог на торговлю и расширенный доступ к городскому искину. Всеми преимуществами мне ещё предстояло разобраться.

В городе я снял квартиру и оплатил её сразу за год — чтобы не думать об этом.

Ещё во время полёта, лёжа в обучающей капсуле, я понял, что многого о добыче руды не знаю. И часть расходников мне на астероиде может понадобиться позарез.

Пришлось ехать в магазин горняков.

Планета частично живёт за счёт добычи и продажи редкоземов, поэтому такие магазины здесь есть везде. Городской искин подсказал, где торгуют официальные поставщики, и я докупил всё, что счёл нужным.

Дав допуск к корабельному складу, я отправил транспортную платформу за покупками. Сам же закупил еды и поехал обратно в съёмную квартиру — отдыхать и отсыпаться, пока есть возможность.

Денег оставалось совсем мало. Дальше — только экономить, пока не найду жилу.

Через три дня, отдохнув после перелёта, я сел в кресло пилота, и выдвинулся в сервис, по предварительной записи. На сервисе мне помогли апгрейдить искин, добавили ему памяти и мощности, а также спрятали часть проводов под обшивку и укрепили перегородки, которые сильно вибрировали при ускорении. За все с меня содрали еще 95 тысяч кредитов. Отдав корабль мне в руки, я получил разрешение на взлёт и снова ушёл в космос.

Курс — на пояс астероидов.

Корабельный искин рассчитывал траекторию долго, муторно и со скрипом, но уже лучше, нежели до этого. Словно раненый динозавр чесал спину об обшивку корабля.

Но пусть скрипит. Лучше пусть он считает, чем я ошибусь в расчётах, и мы с улыбкой на лице на всей скорости врежемся в поверхность астероида.

Нет уж.

Есть хорошая поговорка: работает — не трогай. Я её благополучно и соблюдал.

Мы летели между астероидами, не задевая их. Пока искин занимался навигацией, я сканером искал подходящий булыжник — тот, на котором, если повезёт, мне придётся потратить часть своей жизни.

Отдельно стоит сказать про мой корабельный искин.

Когда я покупал это корыто, которое почему-то гордо именовалось малым грузовозом, мы со знакомым из инженерной службы проверяли его перед сделкой. Задавали искину тестовые вопросы и надеялись, что хоть здесь мне повезёт.

Как же мы ошибались.

На простой вопрос он отвечал секунд пять. А если просили протестировать системы перед взлётом или найти неисправность — даже там, где её не было, — думал около двух минут.

На военном корабле такая диагностика занимает пять-десять секунд.

Мы были в шоке.

Я, конечно, понимал: по сравнению с военными искинами гражданские медлительные. Но здесь это слово не подходило даже с большой натяжкой.

По знакомству, у ребят из инженерной службы нашлись варианты, как хотя бы временно улучшить ситуацию. Они заменили часть совсем уж убитых проводов и узлов, починили и

заменили перегоревшие платы, восстановили часть камер и датчиков, почти вдвое расширили память и обновили программы полёта, наведения и маневрирования.

Два дня они возились с ним и довели искин хотя бы до минимально приемлемого уровня. С оговоркой: как доберёшься до нормального сервиса — выбрось это старьё и купи новый гражданский искин четвёртого поколения. Мы так и договорились.

Большего они просто не успели сделать, так как есть своя работа, а я и так им график сорвал. Но моя благодарность не имела границ и вечером мы дружной компанией отмечали мое увольнение со всеми друзьями и знакомы с кем служил, платил естественно я.

Как ни странно, мой искин сумел пройти проверку у главного искина базы. Тот тестовыми заданиями проверял корабельные системы: взлёт, посадку, полёт, маневры уклонения, стрельбу.

Мой каким-то чудом прошёл всё по нижнему порогу.

Даже стрельбу.

Из пяти попыток он попал дважды. Проверяющий искин зачёл результат: с моего грузовоза стреляли кривым, ненастроенным лазером, так что два попадания из пяти якобы были неплохим показателем.

Турель отстрелялась на твёрдую троечку. Зачёт.

Под дружное ржание бывших сослуживцев мой корабль получил официально зарегистрированный искин с именем Тупица. По-другому его никто и не называл.

Мне было всё равно. За несколько дней я привык.

У грузовоза появилось имя «без имени», номер в каталоге малых судов и даже фотография. Над которой смеялись уже все мои знакомые.

Потому что какому-то умнику пришло в голову разрезать грузовоз пополам, вварить в середину кусок корпуса от другой, более широкой модели и сварить всё обратно, удлинив корабль на пятнадцать метров с шестидесяти до семидесяти пяти.

В итоге он выглядел как беременный бегемот, отдыхающий на лужайке.

Первые дни друзья хохотали до слёз. Потом привыкли. Особенно когда выяснилось, что за счёт расширенного корпуса сюда можно поставить второй реактивный двигатель. Это давало кораблю хоть какие-то маневры и заметно прибавляло в скорости на прямой.

Всю дорогу, все два месяца, пока летел, я думал, как провернуть такую переделку. И главное — во сколько она обойдётся.

Малые грузовые суда с завода имеют один двигатель. Здесь мало «присобачить» второй: нужно синхронизировать оба, усилить корпус под новую нагрузку, заменить искин, переделать систему жизнеобеспечения и потерять часть внутреннего пространства.

Вопросов много. А главный — деньги.

Даже этот потрёпанный жизнью грузовоз обошёлся мне в один миллион двести тридцать пять тысяч кредитов. Ближайший конкурент, который мне все советовали, стоил миллион девятьсот пятьдесят тысяч — и тоже имел только один двигатель.

Его основное отличие: он новее и красивее.

А мне ещё предстояло купить горнодобывающее оборудование. Со всеми скидками оно встало в четыреста восемьдесят тысяч кредитов, причем это был самый простой вариант. Горнодобывающий комплекс, который мне понравился, стоил уже два миллиона кредитов. Плюс расходники — почти тридцать пять тысяч.

Главной покупкой стал новейший сканер за триста тысяч кредитов. Скидок на него не было: он новый, и от него зависело, как быстро я выйду в плюс. Поэтому на сканере и программах к нему я не экономил.

Сюда же входили заправка на весь перелёт, воздух, еда и вода на два месяца — ещё почти тридцать восемь тысяч кредитов.

На военной базе мне переделали капитанскую каюту под мои запросы, поставили новое кресло на мостике, заменили капсулу автодоктора на новую, заменили часть мониторов. Главное — отрегулировали малый лазер и кинетическую турель. А заодно в штатное место установили второй лазер.

Не новый, конечно — иначе я бы разорился. Но вполне рабочий.

Теперь у меня было два лазера и турель. Точными они по-прежнему не были, но шанс попасть в противника хотя бы появился. Эта переделка стоила еще шестьдесят семь тысяч пятьсот кредитов.

Ещё пришлось купить два скафандра и хотя бы одного ремонтного бота. Свои усиленные военные скафандры я сдал при увольнении, а боевого бота мне никто не продаст, а купить сейчас я его не могу, очень дорого.

Да и без ремонтного бота чинить корабль — занятие тяжелое и грустное.

Я взял один технический скафандр для работ в открытом космосе и второй, попроще, для сложных наземных условий. Из ботов доступен был только ремонтный DR-005 прошлого поколения — обучаемая модель. Его поставили на загрузку: пока корабль чинили, бот изучал особенности малых грузовозов.

Не забыл я и про два наземных разведывательных дрона, с хорошей оптикой. Хорошо, что всё это можно было приобрести на сервисе, никуда летать не пришлось.

В итоге, с учётом мелких трат, вышло два миллиона сто двести восемьдесят пять тысяч кредитов.

На счету осталось триста восемьдесят семь тысяч кредитов. Плюс предстояли траты в космопорте и городе. Куда без них. В ближайшее время я почти банкрот. Теперь только пахать и пахать.

Через день я получил корабль из сервиса, добро на вылет — и направился по вбитым координатам в новую жизнь.

И вот я бродяга-шахтер.

Две недели, целых две недели я безвылазно сижу на этом холодном куске астероида в поле астероидов. Кроме меня, искина, моего техника по имени Саня и горнодобывающего оборудования, которое работает уже более 14 дней, здесь нет ничего.

Богом забытая дыра. Даже в официальном каталоге систем у неё нет названия. И попал я сюда, конечно, не случайно.

Среди военных ходил слух: далеко от центральных хорошо освоенных систем, за 18 световых лет отсюда, несколько счастливчиков нашли богатые минералами жилы и успели их освоить. Что именно они нашли, до конца не понимал никто. Кто-то говорил о металлической жиле — мол, металл используют в броне космических кораблей, и жила невероятно ценная. Кто-то уверял, что в том же поясе астероидов нашли драгоценные камни, а кто-то точно знал, что искали и нашли там золото. Не то чтобы камни или золото стоили баснословно, но в таком огромном количестве, про которое шло речь, добытчики явно могли продать найденное за крупный куш.

А если сам добыть не смог — мог хотя бы продать координаты места.

Слухов ходило много.

Самое странное было не в них, а в том, что мы, находясь за восемнадцать световых лет от этих жил, каким-то образом узнали о находке. Неизвестно, кто первым заговорил о богатых жилах на краю обитаемого космоса, но обсуждения шли долго.

Настолько долго, что я как раз успел уволиться со службы и собирался покупать свой первый корабль.

А тут такой шанс.

Не просто лететь в неизвестность — а с конкретными координатами на карте. Бери грузовоз и лети осваивать богатые жилы, пока остальные не додумались и не прибрали всё к рукам.

Хотя изначально, когда я готовился покорять космос, планы у меня были немного другие. Зарабатывать хлеб разработчиком жил — а по-простому, шахтёром — я точно не хотел.

Но так сложилось.

Я отслужил на военной станции 18 лет, большую часть из которых летал на боевых кораблях. Моё увольнение в чине старшего лейтенанта совпало с этими разговорами о богатых жилах. Контракт закончился, новый подписывать я не стал. По контракту мне полагались шесть окладов, надбавки за звание, боевые вылеты и прочие заслуги.

Зарплата у военного, особенно у второго заместителя командира эсминца, была неплохая: около двадцати двух тысяч кредитов в месяц. Плюс боевые вылеты, награды и хорошие отношения с командирами. В итоге отступные вышли порядка ста семидесяти четырёх тысяч кредитов.

Для сравнения: инженер на станции получал в среднем двенадцать тысяч, а работяга на планете — хорошо если восемь.

Флот платил достойно. Риски, правда, тоже были выше. Но армия своих не бросает — по крайней мере, в денежном плане.

За восемнадцать лет я скопил чуть больше двух с половиной миллионов кредитов. Мог и больше, но копить по-настоящему начал только после 5-ти лет службы, молодой еще был, тратил много, да и думал связать судьбу с флотом самой до пенсии.

На скопленные деньги я купил не яхту, о которой мечтал, а потрёпанный грузовоз. Плюс бывшее в употреблении горнодобывающее оборудование, которое было не в лучшем состоянии, и кучу программ к нему.

Пока буду лететь, изучу всё в обучающей капсуле. Новому ремеслу шахтёра ещё учиться и учиться. А времени у меня будет предостаточно.

Когда увольнение оформили, я попрощался с флотскими друзьями и в срочном порядке вылетел в систему RX0021.

Полёт занял два месяца.

За это время я дошёл до четвёртого уровня программы «Шахтёр» и пятого уровня «Горная выработка». Потом начал изучать сканер и всё оставшееся время вкладывал именно в него. В итоге достиг шестого уровня программы сканирования и распознавания залежей.

Обычные шахтёры выше пятого уровня эту программу не проходят. Во-первых, в магазинах её просто нет. Во-вторых, тест слишком сложный, а работяге он без надобности.

Мне повезло: флотские установили мне версию вплоть до седьмого уровня. Выше — только у разведки.

Да и опыт помог. Я много летал на эсминце, сидел в засадах, дежурил, изучал местность, запоминал приметы, искал шахты, тоннели и пещеры. Поэтому первые пять этапов обучения дались мне легко.

К сожалению, почти все сбережения я потратил. Придётся экономить.

Наконец я добрался до системы RX0021. Здесь была только одна обитаемая планета, под названием «Новая» и рядом с ней на расстоянии дня пути, был огромный пояс астероидов, раскинувшийся на многие сотни миллионов километров. Судя по навигационным картам, в соседней системе тоже есть астероидные осколки, и похоже даже побольше, чем здесь, но обитаемых планет не вижу, хотя корабли курсируют между системами. Я пошел на приземление на планете Новая.

Получив разрешение искина, я зарегистрировался как впервые прибывший. Указал, что бывший военный, прилетел добывать минералы в ближайшем поясе астероидов и планирую перепродавать руду в городе.

На таможне с меня сняли метрику для ИИ и выдали постоянный допуск на размещение малого корабля в космопорте, на отдельной площадке. За год я заплатил сразу две тысячи

пятьсот кредитов — так вышло дешевле, чем платить каждый раз отдельно. К тому же судно стояло на открытой площадке, и подъезд к нему был удобен для погрузки и разгрузки.

Мне также выдали допуск на посещение города и торговлю.

Свой военный допуск я сдал ещё на базе, поэтому мне полагалась замена на гражданский. Статус бывшего военного сделал своё дело: допуск мне дали высокого, пятого ранга.

Это означало скидки на жильё, возможность открыть своё дело, пониженный налог на торговлю и расширенный доступ к городскому искину. Всеми преимуществами мне ещё предстояло разобраться.

В городе я снял квартиру и оплатил её сразу за год — чтобы не думать об этом.

Ещё во время полёта, лёжа в обучающей капсуле, я понял, что многого о добыче руды не знаю. И часть расходников мне на астероиде может понадобиться позарез.

Пришлось ехать в магазин горняков.

Планета частично живёт за счёт добычи и продажи редкоземов, поэтому такие магазины здесь есть везде. Городской искин подсказал, где торгуют официальные поставщики, и я докупил всё, что счёл нужным.

Дав допуск к корабельному складу, я отправил транспортную платформу за покупками. Сам же закупил еды и поехал обратно в съёмную квартиру — отдыхать и отсыпаться, пока есть возможность.

Денег оставалось совсем мало. Дальше — только экономить, пока не найду жилу.

Через три дня, отдохнув после перелёта, я сел в кресло пилота, и выдвинулся в сервис, по предварительной записи. На сервисе мне помогли апгрейдить искин, добавили ему памяти и мощности, а также спрятали часть проводов под обшивку и укрепили перегородки, которые сильно вибрировали при ускорении. За все с меня содрали еще 95 тысяч кредитов. Отдав корабль мне в руки, я получил разрешение на взлёт и снова ушёл в космос.

Курс — на пояс астероидов.

Корабельный искин рассчитывал траекторию долго, муторно и со скрипом, но уже лучше, нежели до этого. Словно раненый динозавр чесал спину об обшивку корабля.

Но пусть скрипит. Лучше пусть он считает, чем я ошибусь в расчётах, и мы с улыбкой на лице на всей скорости врежемся в поверхность астероида.

Нет уж.

Есть хорошая поговорка: работает — не трогай. Я её благополучно и соблюдал.

Мы летели между астероидами, не задевая их. Пока искин занимался навигацией, я сканером искал подходящий булыжник — тот, на котором, если повезёт, мне придётся потратить часть своей жизни.

Отдельно стоит сказать про мой корабельный искин.

Когда я покупал это корыто, которое почему-то гордо именовалось малым грузовозом, мы со знакомым из инженерной службы проверяли его перед сделкой. Задавали искину тестовые вопросы и надеялись, что хоть здесь мне повезёт.

Как же мы ошибались.

На простой вопрос он отвечал секунд пять. А если просили протестировать системы перед взлётом или найти неисправность — даже там, где её не было, — думал около двух минут.

На военном корабле такая диагностика занимает пять-десять секунд.

Мы были в шоке.

Я, конечно, понимал: по сравнению с военными искинами гражданские медлительные. Но здесь это слово не подходило даже с большой натяжкой.

По знакомству, у ребят из инженерной службы нашлись варианты, как хотя бы временно улучшить ситуацию. Они заменили часть совсем уж убитых проводов и узлов, починили и

заменили перегоревшие платы, восстановили часть камер и датчиков, почти вдвое расширили память и обновили программы полёта, наведения и маневрирования.

Два дня они возились с ним и довели искин хотя бы до минимально приемлемого уровня. С оговоркой: как доберёшься до нормального сервиса — выбрось это старьё и купи новый гражданский искин четвёртого поколения. Мы так и договорились.

Большего они просто не успели сделать, так как есть своя работа, а я и так им график сорвал. Но моя благодарность не имела границ и вечером мы дружной компанией отмечали мое увольнение со всеми друзьями и знакомы с кем служил, платил естественно я.

Как ни странно, мой искин сумел пройти проверку у главного искина базы. Тот тестовыми заданиями проверял корабельные системы: взлёт, посадку, полёт, маневры уклонения, стрельбу.

Мой каким-то чудом прошёл всё по нижнему порогу.

Даже стрельбу.

Из пяти попыток он попал дважды. Проверяющий искин зачёл результат: с моего грузовоза стреляли кривым, ненастроенным лазером, так что два попадания из пяти якобы были неплохим показателем.

Турель отстрелялась на твёрдую троечку. Зачёт.

Под дружное ржание бывших сослуживцев мой корабль получил официально зарегистрированный искин с именем Тупица. По-другому его никто и не называл.

Мне было всё равно. За несколько дней я привык.

У грузовоза появилось имя «без имени», номер в каталоге малых судов и даже фотография. Над которой смеялись уже все мои знакомые.

Потому что какому-то умнику пришло в голову разрезать грузовоз пополам, вварить в середину кусок корпуса от другой, более широкой модели и сварить всё обратно, удлинив корабль на пятнадцать метров с шестидесяти до семидесяти пяти.

В итоге он выглядел как беременный бегемот, отдыхающий на лужайке.

Первые дни друзья хохотали до слёз. Потом привыкли. Особенно когда выяснилось, что за счёт расширенного корпуса сюда можно поставить второй реактивный двигатель. Это давало кораблю хоть какие-то маневры и заметно прибавляло в скорости на прямой.

Всю дорогу, все два месяца, пока летел, я думал, как провернуть такую переделку. И главное — во сколько она обойдётся.

Малые грузовые суда с завода имеют один двигатель. Здесь мало «присобачить» второй: нужно синхронизировать оба, усилить корпус под новую нагрузку, заменить искин, переделать систему жизнеобеспечения и потерять часть внутреннего пространства.

Вопросов много. А главный — деньги.

Даже этот потрёпанный жизнью грузовоз обошёлся мне в один миллион двести тридцать пять тысяч кредитов. Ближайший конкурент, который мне все советовали, стоил миллион девятьсот пятьдесят тысяч — и тоже имел только один двигатель.

Его основное отличие: он новее и красивее.

А мне ещё предстояло купить горнодобывающее оборудование. Со всеми скидками оно встало в четыреста восемьдесят тысяч кредитов, причем это был самый простой вариант. Горнодобывающий комплекс, который мне понравился, стоил уже два миллиона кредитов. Плюс расходники — почти тридцать пять тысяч.

Главной покупкой стал новейший сканер за триста тысяч кредитов. Скидок на него не было: он новый, и от него зависело, как быстро я выйду в плюс. Поэтому на сканере и программах к нему я не экономил.

Сюда же входили заправка на весь перелёт, воздух, еда и вода на два месяца — ещё почти тридцать восемь тысяч кредитов.

На военной базе мне переделали капитанскую каюту под мои запросы, поставили новое кресло на мостике, заменили капсулу автодоктора на новую, заменили часть мониторов. Главное — отрегулировали малый лазер и кинетическую турель. А заодно в штатное место установили второй лазер.

Не новый, конечно — иначе я бы разорился. Но вполне рабочий.

Теперь у меня было два лазера и турель. Точными они по-прежнему не были, но шанс попасть в противника хотя бы появился. Эта переделка стоила еще шестьдесят семь тысяч пятьсот кредитов.

Ещё пришлось купить два скафандра и хотя бы одного ремонтного бота. Свои усиленные военные скафандры я сдал при увольнении, а боевого бота мне никто не продаст, а купить сейчас я его не могу, очень дорого.

Да и без ремонтного бота чинить корабль — занятие тяжелое и грустное.

Я взял один технический скафандр для работ в открытом космосе и второй, попроще, для сложных наземных условий. Из ботов доступен был только ремонтный DR-005 прошлого поколения — обучаемая модель. Его поставили на загрузку: пока корабль чинили, бот изучал особенности малых грузовозов.

Не забыл я и про два наземных разведывательных дрона, с хорошей оптикой. Хорошо, что всё это можно было приобрести на сервисе, никуда летать не пришлось.

В итоге, с учётом мелких трат, вышло два миллиона сто двести восемьдесят пять тысяч кредитов.

На счету осталось триста восемьдесят семь тысяч кредитов. Плюс предстояли траты в космопорте и городе. Куда без них. В ближайшее время я почти банкрот. Теперь только пахать и пахать.

Через день я получил корабль из сервиса, добро на вылет — и направился по вбитым координатам в новую жизнь.

Глава вторая. И почему так невесело

Вроде бы я всё учёл. Десять раз перепроверил себя, корабль и искин. Но, как всегда, проблема вылезла оттуда, откуда её не ждали.

Я нашёл нужный астероид. Даже два — они находились почти рядом. На том, где я сейчас стоял, было три тёмных участка в грунте. Сканер не мог определить, что под ними: возможно, я ещё не умел работать с ним на должном уровне, либо мешали косвенные факторы.

Ну да, время покажет.

А теперь о проблеме.

В этом поясе полно пыли и крупных каменных частиц. Они летают повсюду. Пока мы тупили и пытались приземлиться — точнее, пока тупил искин, — нас изрядно побарабанило о корпус. Часть камер и датчиков вышла из строя.

Садились мы, честно говоря, фактически по приборам. То есть вслепую. Но датчики — ещё не самое страшное. В момент посадки отказал четвёртый вспомогательный двигатель, отвечающий за торможение. Три остальных сработали штатно, а четвёртый — нет.

Фактически мы грохнулись с высоты двухсот метров на твёрдую поверхность астероида. Произошло это по двум причинам.

Во-первых, искин, как всегда, слишком долго думал, прежде чем принять решение. Во-вторых, до этого нас везде сопровождал местный искин: и в сервисе, и при посадке на космодром планеты. Он буквально подталкивал корабль, помогая сесть мягко.

Иногда посадку на планете вообще не чувствуешь — настолько ювелирно местные искины работают с любыми типами судов. Поэтому, когда в сервисе проверяли тормозные двигатели, на одну особенность моего корабля не обратили внимания.

В идеальных условиях всё работало: светло, камеры и датчики исправны, посадку ведёт местный искин. А на астероиде нас болтало, обзор частично пропал, корабль накренился.

Из-за вваренной в середину дополнительной секции длина судна выросла с шестидесяти до семидесяти пяти метров. Сместился центр тяжести. И под нагрузкой четвёртый двигатель отказал именно в момент торможения.

Искин попытался выровнять грузовоз тремя оставшимися двигателями. Слишком поздно. Время было потеряно. Мы с высоты двухсот метров на трёх движках как могли сели на поверхность. Естественно, криво. При этом доломали неработающий тормозной механизм двигателя и частично повредили одну из посадочных опор.

Сам грузовоз не пострадал критически. Летать мы по-прежнему можем. Но появилась одна маленькая проблема.

Если мы взлетим отсюда, то нормально приземлиться сможем только на планете — и только под чутким руководством местного искина космодрома. Садиться самим на другой астероид — мягко говоря, плохая идея.

Я сидел на мостике, пил кофе и ждал, пока Тупица рассчитает последствия посадки. И размышлял о смысле жизни бедного бродяги, волей судьбы закинутого на холодный астероид.

Допив кофе, я нашёл три варианта.

Первый: дождаться, пока Тупица досчитает ущерб, взлететь, вернуться на планету, записаться в официальный сервис и встать в очередь. Боюсь, очередь может затянуться. Официальный сервис на планете один, а запись у него растянута на месяцы. Возможно, придётся ждать до полугода.

Плюс цена будет кусаться. А с деньгами у меня совсем туго.

Второй: частный сервис. Там примут быстрее и, скорее всего, дешевле. Это плюс.

Но у любого гаражного сервиса есть риски. Могут не дочинить один двигатель и испортить остальные. А после ремонта их придётся заново синхронизировать — а для этого нужно

официальное ПО. Есть ли оно у частников, неизвестно. В итоге могут сделать ещё хуже. Это уже минус.

Третий: копаем.

Раз прилетели — проверяем три места на поверхности. Это минимум месяц, а то и больше. Из плюсов: есть шанс добыть минералы, а может, и что-то подороже. Потом, уже с грузом, летим на планету, продаём руду и встаём в очередь на ремонт.

Из минусов: сломанный корабль — это сломанный корабль. Через месяц он может вообще не взлететь, если опора окончательно развалится.

Да и сажать гружёный рудовоз с повреждениями даже на планету, пусть и с помощью местного искина, тоже рискованно. Куда ни плюнь — везде нюансы. Оценка ущерба заняла у искина больше двух часов. Я даже успел немного вздремнуть.

Выйдя из каюты, я первым делом запросил у Тупицы отчёт.

— Капитан, состояние корабля удовлетворительное: шестьдесят семь процентов от нормы. Рекомендуется ремонт в ближайшем сервисе.

— Продолжай.

— Четвёртый вспомогательный двигатель системы торможения выведен из строя. Рекомендация: замена. Стоимость нового двигателя на планете Новая — от семидесяти пяти до восьмидесяти семи тысяч кредитов. В наличии имеются три штуки. Ремонт неисправного двигателя возможен, но следует учитывать его износ и сокращённый ресурс. Стоимость ремонта — около двенадцати тысяч кредитов.

Остальные три двигателя в пределах нормы, однако требуется синхронизация трёх двигателей вместо четырёх. Рекомендуется провести ремонт вспомогательных двигателей с помощью ремонтного бота. Расчётное время — сорок восемь часов.

— Дальше.

— В процессе торможения сбит прицел второго малого лазера. Синхронизация нарушена. При стрельбе возможен сбой как одного, так и обоих лазеров. Рекомендация: воздержаться от стрельбы до посещения сервиса. Ремонт в текущих условиях невозможен.

— Понял.

— Передняя правая опора повреждена на тридцать шесть процентов. Не рекомендуется нагружать участок над ней тяжёлыми грузами. Стоимость новой опоры — сорок четыре тысячи кредитов. Ремонт возможен с помощью ремонтного бота, расчётное время — тридцать шесть часов. Однако отремонтированная опора является временной мерой; рекомендуется замена на новую.

— Дальше.

— Обнаружена трещина на боковом бронелисте. Стоимость нового листа — от двадцати четырёх тысяч кредитов. На планете Новая имеется семь бронелистов. Частичный ремонт возможен с помощью бота, расчётное время — двадцать четыре часа.

— Продолжай.

— Датчики, камеры, крепления и механизмы подлежат ремонту с помощью бота. Расчётное время — семьдесят два часа.

— Итого?

— Общее время ремонта составляет приблизительно сто восемьдесят часов. Приступить?

Да уж.

Вот это мы приземлились.

И, судя по всему, нам ещё повезло: почти весь ремонт можно сделать своими силами. Кроме лазеров — слишком тонкий механизм, требуется специальное оборудование и ПО.

А ведь я столько лет летал на военном эсминце. Мог бы и задуматься, каково это — жить простым работягой на корабле со слабой бронёй и без щитов.

Я настолько привык, что корабль может выдержать маленькую победоносную войну, что даже не допускал мысли: что моя лоханка может сломаться от каменной пыли.

Вот тебе и опыт. Вот тебе и разница между военными и гражданскими технологиями. Правильно говорят: всё для фронта, всё для победы.

Итак, что мы имеем в сухом остатке. Грубо сто восемьдесят часов работ — почти восемь суток. Значит, здесь мне так и так придётся торчать следующие восемь, а то и десять дней.

Мой горнодобывающий комплекс автоматический. Это плюс. Он раскладывается за два дня, ещё один день уйдёт на настройку. После этого можно бурить и возить руду.

Сейчас только полдень. Если начать разборку комплекса сразу, то через три дня начнётся первая добыча на ближайшем найденном участке.

Итого: три дня на подготовку, минимум семь-десять дней на сбор руды, ещё два дня на обратную сборку. Получается примерно четырнадцать дней до первой партии руды.

Конечно, шанс найти что-то действительно ценное с первого раза минимален.

Но если считать это опытом — для первого раза неплохо. Итак, решено. Копаем.

Глава третья. Начало добычи, первые результаты

Продавец не соврал: комплекс действительно уложился в три дня. Мы добрались до указанной точки, комплекс разложился, собрался и начал настройку оборудования по программам, подходящим под местные условия работы.

У горнодобывающего комплекса был собственный внутренний искин, охранные боты и механизмы для сборки и разборки. Приятно удивило то, что после обозначения охраняемого периметра вокруг месторождения искин комплекса выставил двух охранных ботов. Они сразу приступили к патрулированию.

Многого от них ждать, конечно, не стоило.

На вооружении у каждого было две ракетницы по десять снарядов и две малые турели с автоматической стрельбой. Но на безрыбье и это рыба. В крайнем случае пара залётных бандитов получит отпор — или хотя бы подумает, стоит ли связываться.

Лучше так, чем совсем без оружия.

У меня был личный бластер и несколько батарей к нему. Именное оружие, подаренное за верную службу. Но одного бластера против пиратов или желающих поживиться за счёт бедного бродяги будет мало.

Тем более что бортовые лазеры как раз сломались.

Если возникнет прямая угроза жизни, стрелять придётся. Но я надеялся, что в ближайший месяц это не понадобится. Оставалась кинетическая турель — и надежда, что всё обойдётся.

К тому же меня ещё нужно найти.

Пояс астероидов раскинулся на сотни миллионов километров. Хаос из камней, пыли и обломков. Не удивлюсь, если где-нибудь поблизости работают такие же одиночки, как я.

На планете я спрашивал об этом и в магазине, и в баре, и в космопорте. Ответы были примерно одинаковые.

Одиночки сюда ещё летают, но конкретно этот пояс считают бесперспективным. Лет сто назад здесь выработали всё, что можно было добыть с выгодой. Ради мелких жил рисковать жизнью желающих немного: случись что — никто не поможет, связи здесь нет.

Зато в соседней системе есть другой пояс астероидов. Значительно крупнее нашего, раза в три. Вот там народу хватает.

Лет двенадцать назад местные шахтёры организовали ватагу и построили базу на одном из астероидов. Все, кто хочет добывать руду в том поясе, обязаны получить у ватаги разрешение. Без него никак: узнают о незаконной выработке — могут и прибить.

Они там главные. Они там закон.

Пираты, конечно, бывают. Но с ватагой связываться не любят.

Несколько стычек всё же было. Последняя, года три назад, унесла жизни двух десятков ребят с обеих сторон и около десятка кораблей. После этого главари встретились, обсудили, кто прав, кто виноват — и решили, что война никому не выгодна. Деньги утекают из собственного кармана, а война — дело не просто дорогое, а разорительное.

Разошлись краями. С тех пор уже девять лет держится худой мир.

Официально.

А неофициально — никто не видел, значит, не было.

— Ты лучше к ним лети, если копать надумал, — сказал мне один из работяг. — Там добыча выйдет дороже: разрешение, проживание на их базе. Зато будешь в тепле и накормлен. А в случае чего помогут — если всё делать правильно.

Интересно рассуждают местные.

Они и не знают, что за восемнадцать световых лет отсюда — два варп-прыжка, почти по месяцу каждый, — на военной базе ходила целая куча рассказов об удачливых рудокопах, зарабатывающих несметные богатства именно в этой системе.

А местные даже не в курсе, что о них говорят за многие триллионы километров.

Правда, за время в городе я слышал и пару других баек. Будто какой-то давно пропавший шахтёр нашёл здесь то ли артефакт, то ли обломок чего-то очень ценного и попытался его продать. Говорили, будто на сделку прилетала даже разведка.

Что это было, удалось ли продать и где теперь тот шахтёр — никто не знал. Скорее всего, обычная байка. Чтобы заманивать народ в шахтёры. Всё-таки планета частично живёт за счёт продажи минералов и редкоземов.

Ну а я начну копать здесь. Дальше будет видно. Как сложилось, так сложилось. Жив — и ладно. Остальное решаемо.

Настройка комплекса завершилась. Мне дали доступ внутрь периметра. Отлично. Бурение началось.

Пока комплекс работал, я занялся обучением: сканированием седьмого уровня и добычей руды шестого. Программу «Шахтёр» пока оставил — не до неё. Руду, думаю, освою быстро, там не так сложно.

А вот со сканированием высокого уровня придётся попотеть. Недаром эта программа есть только у военных. Этот уровень так просто не пройти: перед выдачей новых допусков предстоит сложный экзамен.

Закончив текущие дела, я отправился в обучающую капсулу.

У меня было как минимум восемь дней, пока идёт добыча. В случае ЧП искин предупредит: его локатор раз в час сканирует пространство на предмет чужаков.

Очнулся я тяжело. Всё тело затекло. Голова ватная, тошнит.

Где мой кофе?

В башке — одни названия редкоземов и сплошные цифры. Экзамен я сдал только с пятой попытки. Теперь понятно, почему он считается сложным.

Добровольно я бы второй раз на это не пошёл. Для обычной жизни шестого уровня сканирования более чем достаточно. Если бы не военная подготовка, я бы не сдал.

Так. Где горячий кофе?

Тупица наверняка уже знает, что я вышел из обучения.

— Тупица, отчёт.

— Поздравляю, капитан, с успешной сдачей экзаменов и получением очередного высокого допуска. Ваша еда готова, кофе сварен и ждёт вас в каюте.

— Продолжай.

— Время вашего обучения составило семь дней, двенадцать часов и сорок три минуты. Корабль и горнодобывающий комплекс работают в штатном режиме.

— Хорошо.

— За время вашего отсутствия чужих объектов не обнаружено. Радар сканирует пространство каждый час.

— Дальше.

— До завершения ремонта корабля осталось двадцать часов. Выработка грунта горнодобывающим комплексом будет закончена в течение двадцати четырёх часов.

— Уже неплохо.

— Обнаружен редкоземельный элемент — лютеций. Жила среднего типа. Расчётный объём добычи — от двадцати до сорока тонн. Среднее время извлечения — сорок восемь часов. Рыночная цена: от сорока пяти кредитов за килограмм чистого продукта и от пяти кредитов за килограмм грязного.

Комплекс не способен перерабатывать грязный продукт в чистый. Требуется апгрейд системы и закупка дополнительного оборудования. Стоимость на рынке сильно варьируется: от двухсот пятидесяти тысяч до одного миллиона трехсот тысяч кредитов.

— Понял.

— Капитан, моя рекомендация остаётся в силе: после ремонта правой опоры нельзя давать на неё большую нагрузку. Риск поломки после ремонта при нагрузке свыше сорока пяти процентов.

— Учту.

— На складе ремонтный бот обнаружил подходящую корпусную бронепластину. Материал полностью совместим с нашим типом корпуса. Ремонт бронелиста завершён на сто процентов.

Вот это новость.

— Для ускорения дальнейшего ремонта рекомендуется доукомплектовать корабль двумя ремонтными ботами. Для повышения безопасности — тремя малыми боевыми ботами. Штатные места под них подготовлены, зарядные станции восстановлены.

— Понял, ещё что?

— Пока вы находились на обучении, я принял на себя ответственность и с помощью ремонтного бота убрал часть коммуникаций и проводов, торчащих из стен, обратно под обшивку. Туда, где они изначально должны находиться.

Я помолчал.

— Тупица, всё понял. Принято. Продолжай работу.

— Принято, капитан.

— И огромная просьба: давай общаться со мной менее официально. Мы не на флоте. Я теперь просто бродяга. Ты можешь разговаривать более по-человечески?

— Могу, капитан. Принято.

Ну хоть что-то.

Я выпил горячий кофе и почувствовал себя почти человеком. Теперь — душ, еда и сон. Голова была никакая. Об остальном подумаю позже.

Через шесть часов я снова сидел на мостике. Итак, неделя прошла. Надо понять, что мы имеем.

Во-первых, через несколько дней будет добыт и перевезён на склад мой первый ресурс. Не самый дорогой, но он позволит частично отбить затраты на ремонт и перелёты — если, конечно, цены на планете не окажутся заоблачными.

Во-вторых, нужно посчитать, какое дополнительное оборудование я смогу себе позволить, чтобы после ремонта остались хоть какие-то кредиты.

И в-третьих — безопасность. В свой первый выход я полетел слишком наивно. Рассчитывал больше на удачу, чем на здравый смысл. И сразу получил поломки.

Ни опыт пилотирования эсминца, ни мои навыки не помогли, когда под тобой старый, дышащий на ладан корабль и такой же старый неповоротливый искин.

Хорошо, что в этот раз повезло: я могу даже взлететь. А если бы не мог? Кто меня будет искать? И где?

Здесь тысячи астероидов. Связи нет. Ребята в городе не зря говорили: летать сюда — только на свой страх и риск. Недаром шахтёры объединились в ватагу и помогают друг другу.

Вот поэтому я и не встретил здесь никого. Смертников не так много. С другой стороны, удача любит смелых. А я считаю себя смелым: вон, даже жилу разрабатываю.

Буду оптимистом и сочту первый опыт положительным.

По прилёту на планету нужно будет улучшить грузовоз. Хотя бы самым необходимым.

Я открыл расчёты и прикинул, сколько кредитов потребуется на доработки.

Малый щит 30/100. В этой каменной пыли без щитов делать нечего. Такой защиты хватит против пыли и даже пары выстрелов лазера. С генератором поля, установкой и настройкой — сорок пять тысяч кредитов.

Замена искина. Вот здесь затык. Официальный искин для моего корабля стоит около ста восьмидесяти тысяч кредитов. Чёткий, быстрый, понятный. Но корабль-то не быстрый и не чёткий. К тому же половины проводов не хватает: начнёшь менять — придётся вскрывать всю обшивку. Это минимум пара недель сервиса и ещё пятьдесят тысяч сверху.

Есть вариант купить взломанный искин, снятый с чужого корабля. Цена начинается от тридцати тысяч кредитов.

Готов ли я переплачивать? Или пока оставить этого? Он же работает. Старается. Даже сертификацию прошёл.

А с другим искином придётся заново проходить проверку. А это ещё тот геморрой, тем более что знакомых здесь у меня нет.

Регулировка обоих лазеров. Пора уже решить этот вопрос. На нормальном оборудовании — от двенадцати тысяч кредитов.

Замена опоры. Риск действительно высокий. Цена — сорок четыре тысячи кредитов.

Итого на частичный ремонт, без замены искина, уходило порядка восьмидесяти пяти — девяноста пяти тысяч кредитов.

Плюс два ремонтных бота и три охранных с запасом вооружения — ещё сто пятьдесят — сто семьдесят тысяч. Боевые боты недешёвые, особенно продвинутые. А если брать новое поколение, да ещё с щитами, цена может подскочить на два порядка.

Теперь посмотрим, что предлагают на единственной обитаемой планете системы.

Максимальная длина малых грузовозов — сто метров. Мой, с учётом переделки корпуса, имел длину семьдесят пять метров. Это пузо я, конечно, уже не исправлю. Слишком дорого.

Но если корабль подшаманить, помыть и почистить, может, смогу подобрать что-то поприличнее. Тем более на рынке уже были варианты.

Несколько грузовозов примерно одного возраста — двадцать-тридцать лет эксплуатации. Цены начинались от двух миллионов пятисот тысяч кредитов за малый грузовоз и доходили до восьми миллионов восьмисот тысяч за средний грузовоз. Были еще большие корабли, но мне они не по карману.

И это цены за б/у корабли, не за новые, и еще старого поколения. Про новые я вообще молчу.

Благо они мало чем отличаются между собой, в основном грузоподъёмностью и броней, остальное мне не так важно. Движки слабые, манёвренность никакая у всех, скорость плюс-минус примерно одинаковая, не более 580 миллионов километров в час, вооружение слабое, у меня и то лучше, если починю. По факту здесь выделяется только средний грузовоз, но за эти деньги думаю, если поискать в других системах, возможно появится вариант и получше. Единственное, это время полета до более крупной обитаемой системы, а это где-то 30 дней в одну сторону. Но если уж искать другой корабль, то лишний месяц ничего не значит. А раз я не нашел ничего подходящего, что хотя бы чуть-чуть лучше моего корабля, то будем его чинить.

- Тупица, соедини меня с Марком из сервисной службы, - сказал я.

- Соединяю капитан.

- Добрый день, меня зовут Марк, чем могу…а. Антон, приветствую. Чем могу быть полезен?

- Добрый день Марк. Узнали, хорошо)

- Да, конечно, вы же 2 недели назад у нас были, ваш грузовоз «без имени» до сих пор у нас перед глазами)

- Ну тут соглашусь, грузовоз действительно приметный, даже очень. Я звоню записаться на сервис, передняя правая опора повреждена, ремонт выполнен своими силами, но нагрузку давать на нее нельзя. Так же оба лазера нужно синхронизировать и пристрелять. Так же снова искин, продолжить улучшение, ну и напоследок, установить щиты, здесь вам карт бланш, какие подойдут, те и ставим, без них боюсь никак.

- Так, вас понял. Секунду, гляну график очередей. А когда вы планировали к нам?

- Через неделю готов прибыть.

- Я вас услышал Антон, к сожалению, через неделю не получится, загрузка большая. Но через 2 недели мы можем подвинуть один крейсер, он все равно 3 месяца будет стоять, пока мы запчасти ждем, серьезный ремонт ему предстоит, а в нашем захолустье, быстро запчасти не достать. Готовы через 14 дней к нам?

- да Марк, готов. Отлично. Спасибо.

- Не за что Антон, записал, хорошего дня.

Ну вот и все, записан на официальный сервис, повезло, что ремонт у меня для них, по сути, плевый, небольшие переделки, 2-3 дня не больше, вон даже крейсер подвинут, чтоб место в ангаре не занимал. Отлично, повезло. Пойду схожу на склад, проверю сколько редкоземов успели завезти. Спустившись со второй на первую палубу и зайдя на склад, я увидел, что часть контейнеров уже заполнена, а часть пока пустовала. Тупица, сколько времени необходимо для полного заполнения контейнеров?

-Капитан, оставшееся время выработки около 16 часов. Время загрузки породы на склад еще около 20 часов. Полная консервация горнодобывающего комплекса еще 48 часов. Итого 84 часа.

Отлично, еще почти 4 дня в запасе, спешить некуда, займусь тогда оставшимися 2-мя темными местами на карте сканера, подготовлюсь к следующей добыче. Попробую с новыми открывшимися знаниями и новыми возможностями сканера узнать, что за порода прячется от меня внутри этого астероида. Погнали.

Глава четвертая. Ремонт и возвращение обратно

Следующие четыре дня я мотался по всему астероиду. Горнодобывающий комплекс методично выбирал руду из вскрытой жилы, а я с планшетом в руках кружил вокруг астероида, проверяя показания геосканера и надеясь, что следующая находка не окажется пустышкой или дешевой породой.

Комплекс работал почти без его участия: буровые модули вгрызались в породу, измельчители отделяли пустую породу, а сортировочные захваты складывали обогащённую массу в герметичные контейнеры. Мне оставалось следить за уровнем износа, вовремя менять фильтры и не давать искину «помочь» с траекторией грузовых платформ.

— Тупица, расстояние до западного склона, где обнаружена вторая жила? — спросил я.

— Расчёт завершён. Расстояние составляет тысяча двести сорок семь метров. Рекомендую не приближаться: вероятность падения невелика, но ненулевая.

— Спасибо, очень успокоил.

— Всегда пожалуйста, капитан.

Антон тяжело вздохнул и повернулся к сканеру. На западе, за хребтом из тёмного реголита, прибор уверенно показывал аномалию: плотное скопление металлических соединений на глубине примерно восемнадцати метров.

— Вот оно, — пробормотал я. — Вторая жила.

— Тупица, что у нас?

— Предварительный анализ указывает на присутствие неодима, празеодима и диспрозия. Содержание ценных компонентов оценивается в пределах от четырёх до шести процентов по массе обогащённой руды. После обогащения, в среднем выходило добыть около 52-54 тонны товарной руды, не рекорд, но для второго самостоятельного выхода более чем достойный результат. Цена на рынке начинается от 30 кредитов за кг.

Я присвистнул.

- Неплохо.

- Согласен. Для астероида данного класса это высокая концентрация. Однако рекомендую не радоваться раньше завершения полного анализа.

- Ты вообще умеешь говорить что-нибудь без занудства?

- Умею. Но это неэффективно. И напоминаю, это вы дали мне установку общаться по-человечески. Как могу, исполняю.

— Вот ты зануда, но зануда свой, ладно. Теперь ты Зануда, подтверди.

- Подтверждаю, имя «Зануда» внесен в список.

Тем не менее находка действительно была хорошей. Отметив границы залежи, я поручил искину запомнить это место, чтобы в следующий раз приземлиться сразу недалеко от него. Третья залежь оказалась линзой силикатной породы и находилась на другом конце астероида, насыщенная оксидами редкоземельных металлов. Основу составляли церий и лантан, но в пробах также встречались неодим и самарий. Оценка, около 37 тонн обогащённой руды с повышенной долей неодима, а это было просто отлично, цена на него доходила до 45 кредитов за 1кг.

— Итого 89 тонн, — сказал я, глядя на сводку. — Если цена не обманет ожидания, это уже не просто «дожить до следующего ремонта».

— При текущей средней стоимости и вычете затрат комплекс может принести от 2 150 000 до 2 400 000 тысяч кредитов, — ответил искин. — Точность прогноза ограничена колебаниями рынка.

— Значит, надо продать быстро.

— Логично. Но я бы рекомендовал сначала не разбить корабль при взлёте.

— Ты неисправим.

К концу четвёртого дня основной комплекс закончил сбор руды. Грузовые платформы один за другим доставили контейнеры к кораблю, где погрузочный манипулятор размещал их в трюме. Пришлось лично проверять каждое крепление: одна плохо зафиксированная тонна руды при манёвре могла превратить грузовой отсек в очень дорогую дробилку. Когда последний контейнер встал на место, на складе корабля уже лежало 37 тонн обогащённой руды, упакованной и промаркированной по составу. Запустил финальную инвентаризацию.

— Груз размещён, — отчитался искин. — Перегруз по массе отсутствует. Центровка в допустимых пределах. Вероятность повреждения корпуса при стандартном взлёте — низкая.

— «Низкая» — это сколько?

— Меньше одного процента.

— Вот теперь я спокоен.

Сворачивать комплекс пришлось еще лишних два дня. Я отключал буровые модули, сливал рабочие жидкости, очищал захваты от пыли и упаковывал оборудование в транспортные отсеки. Часть деталей потребовала замены: фрезы сточились быстрее, чем рассчитывалось изначально, а один из приводов поворотной платформы начал постукивать.

— Это надолго? — спросил я у искина, слушая подозрительный звук.

— Вероятно, нет. Но при следующей эксплуатации рекомендуется заменить подшипник.

— Запишу в список расходов.

— Уже записал. Вместе с фильтрами, уплотнителями и двумя режущими блоками.

— Ты наслаждаешься этим?

— Я выполняю задачу и учусь быть человеком, такая же была задача?

- Не человеком, общаться менее официально, ай, кому я это рассказываю.

На исходе второго дня комплекс был полностью сложен и закреплён на стыковочной раме. Астероид, ещё недавно украшенный буровыми вышками и грузовыми путями, снова выглядел безлюдной глыбой. Лишь свежие шрамы от разработки напоминали, что здесь побывал человек.

Антон обошёл корабль, проверил опоры, закрыл грузовые люки и сел в кресло пилота.

— Зануда, готовность к взлёту.

— Диагностика завершена. Двигатели в норме. Груз закреплён. Гравитационный якорь отключён. Рекомендую вертикальный подъём с минимальным ускорением.

— Понял. Не спешим.

Он медленно вывел мощность на подъёмные двигатели. Корабль дрогнул, оторвался от поверхности и поднялся над астероидом всего на несколько метров. Пыль заклубилась под соплами, но Антон не увеличивал тягу, пока не убедился, что ни один контейнер не сместился.

Только после этого он плавно набрал высоту.

Астероид уменьшался в обзорном экране. Антон взглянул на трюм — 37 тонн руды, два найденных места залежей, изношенное оборудование и надежда на то, что заработанных кредитов хватит на все хотелки.

— Ну что, — сказал я, — летим продавать редкоземы.

— Курс на планету Новая проложен, — ответил искин. — Время в пути — двадцать один час. Рекомендую отдыхать.

— Согласен.

Планета Новая встретила его привычной суетой космопорта. Антон получил разрешение на посадку, местный искин провёл корабль к своей площадке и почти сразу занялся продажей. Времени до полета в сервис оставалось не так много, неделя, и нужно было успеть распродать весь забитый склад. Партию разделили на две части. Часть купил перерабатывающий концерн по средней цене 19 кредитов за кг. В итоге 18 тонн ушли за 342 000 кредитов. А вот вторую партию, пришлось предлагать нескольким покупателям: такие редкоземы требовались мест-

ным мастерским, производителям щитовых генераторов и небольшим корабельным верфям. В итоге сбыть ее получилось по меньшей цене, в среднем по 17 кредитов за кг, выручка составила 323 000 кредитов. После налогов, комиссии рынка и оплаты транспортных услуг на моем счёте оказалось 899 000 кредитов.

Я долго смотрел на баланс и не мог поверить. С одной стороны сумма была неплохой, удача сработала на все сто процентов, а с другой стороны, я понимал, что сейчас будут серьезные вложения в ремонт корабля, и вопрос, а останется у меня хоть 1 кредит на счете после него.

- Искин, ты уверен, что это не ошибка, может должно остаться больше на счете?

- Проверено трижды. Ошибки нет

- И это еще у меня 5 уровень допуска, с льготами на торговлю, трындец. Тогда я, пожалуй, не буду спрашивать, сколько из этого уйдёт на ремонт.

- Разумно.

Неделя пролетела быстро, продажи руды, поиск надежных партнеров на следующие продажи, отдых, и сбор слухов в местных барах, все это в очередной раз подтолкнуло меня к мысли, что очень сильно повезло с этим астероидом и в целом с поломкой. В будущем нужно быть осторожнее. Бродягу обокрасть хочет каждый. Через неделю, точно по записи, Антон пришёл в сервисный центр. Марк встретил его у входа, уже держа в руках планшет с нарядом.

- Антон, вовремя. Сегодня как раз освободили пост. Что будем делать?

- Переднюю правую опору менять. Щиты на корпус поставить. И синхронизировать оба лазера. Далее вот еще по списку, я написал, глянь.

Марк поднял брови.

- Амбициозно. По основным работам: опору посмотрим, щиты поставим, двигатель отремонтируем, новый очень дорогой, ресурс у него еще есть, а вот с лазерами придётся повозиться. Они у тебя старой военной серии, синхронизация требует точной калибровки, такое только у нас делают.

-Сколько?

- По опоре - 47 000 кредитов с работой.

- Щиты зависят от класса покрытия, но для твоего корпуса я бы поставил средний гражданский комплект 30/100 новый, где 30 — это сам щит, 100 это броня - 64 000 кредитов.

- Ремонт 4-ого двигателя 38 000 кредитов.

- Ну и лазеры… если фокусирующие линзы живы, и не требуется замена генератора, то ещё 8 500 кредитов. Если нет — будет дороже. Срок – 2 дня. По основным работам готов?

Мысленно пересчитав деньги, сумма выходила неприятно большой, 157 500 кредитов, и только на мелкий ремонт, но после продажи руды я мог себе это позволить. А вот дальше посмотрим, что Марк озвучит по списку дополнительных улучшений.

- Давай. Только без сюрпризов.

- Постараюсь, — усмехнулся Марк. — Хотя с твоим кораблём обещать не могу. Теперь по второму списку пройдемся. Улучшение искина возможно, мы уже начали в прошлый раз эти работы, стоимость 48 000 кредитов.

- Установить второй двигатель возможно, хоть сам грузовоз и выглядит странно и нелепо, в целом его конструкция позволяет добавить ему движок. Вот только цена будет кусаться, сам смотри, цена двигателя, а у нас есть такой же, только сломанный под твой корабль, починить мы его можем, там не сложно, сняли с похожего грузовоза, он новый заказал и поставил, а этот отдал нам на продажу в счет работ. Так вот, наша цена на этот движок 335 000, и здесь без торга, цена поверь хорошая, со всеми скидками как для родного говорю. На рынке меньше чем за 500 000 кредитов не найдешь, и то убитый будет.

- Дальше установка, прошивка, синхронизация еще 128 000 кредитов.

- Далее вибрация корпуса и шумоизоляция, здесь придется раскошелиться, иначе летать не сможешь, усиленные балки раз, монтаж шумоизоляции в нескольких местах корпуса два, иначе без шумовых наушников не сможешь находиться на мостике, это еще 149 000 кредитов.

- Ну и на сладкое, второй топливный бак раз, замена простого штатного генератора на усиленный два, и из за повышения веса корабля, пятый двигатель для торможения три, он кстати тоже есть у нас, отдадим дешевле, ну а всякую мелочь я даже не обсуждаю, все войдет в стоимость, плюсом заберем твой штатный генератор, итого вкруг выйдет еще 224 000 кредитов.

- Общая стоимость составит 1 041 500 кредитов. Дам скидку, как постоянному теперь, 5% и поверь, у нас немногие такую имеют, мы монополисты, ближайший официальный сервис в 7 световых годах отсюда. Итого вышло 989 425 кредитов, готов? Заправка топлива, воздуха, воды в подарок. Да, и так же в подарок проверим главный реактор, заменим все технические масла, он у тебя в хорошем состоянии. По сроку на все 5 дней, мы быстро работаем.

Вот и закончились все мои деньги, хотя ожидаемо, я-то замахнулся на качественную переделку самой основы корабля, оттого и цена такая. Ай плевать, я это уже обдумал еще на астероиде, знал, что так будет, ну не бывает дешевых переделок и апгрейдов корабля, нет даже такого понятия, как недорогой ремонт, дорогой, он всегда дорогой. Плевать живу сейчас, делаем все что задумано. Зато его стоимость, вот только что выросла с 1 235 000 кредитов, которые я за него отдал до как минимум 2 500 000, а то и 3 000 000 кредитов.

- Да Марк, делаем.

- Отлично, у нас все есть из запчастей, тогда с тебя 50% аванс, остальное через 5 дней после окончания работ.

- Понял, иду в кассу. Спасибо.

- Увидимся, хорошего дня Антон.

На следующий день я сходил в банк, взял ссуду на 1 год, под 12% в размере 100 000 кредитов. Для расчета с сервисом, мне не хватало 90 425 кредитов, ссуда вынужденная мера, слишком многое зависит от самого корабля и качества расходников. Здесь хотя бы я могу быть уверен, если один раз я уже слетал в пояс астероидов на почти сломанном корабле, то теперь, мой шанс на выживание, сильно повысился. А две новые неразработанные жилы, только и ждали, когда я до них доберусь. Так что в будущее я все еще смотрю с оптимизмом.

Пять дней пролетели быстро, и вот я снова в сервисе, осматриваю корабль, и представляю, как изменились ттх корабля теперь, после всех переделок.

- Привет Антон, подошел Марк сзади, смотри, вот передняя правая опора, мы ее демонтировали. Внутри действительно обнаружилась трещина, которую не видно. Хотя по показателям, были лишь небольшие отклонения от нормы в пределах погрешности, если бы ты не сказал, что точно сломана, возможно мы бы не стали ничего делать, кроме калибровки опор. Марк показал ему фото детали на планшете, качая головой.

- Ещё немного — и при жёсткой посадке ты бы сложил носовую стойку, вовремя решил заменить, молодец.

— Спасибо, что заменили.

— За это ты и платишь)

Новые щитовые модули закрепили по корпусу равномерно, выведя контроль к консоли пилота. Они не превращали малый грузовоз в боевой корабль, но могли выдержать несколько попаданий мелких осколков, случайную стыковку или короткую стычку с пиратом. А для грузовоза, этого более чем достаточно. Новый двигатель смотрелся изящно, как будто именно его не хватало все это время.

Последними занялись лазерами. Инженеры сняли защитные кожухи, проверили излучатели и несколько часов гоняли систему на тестовых мишенях. К концу работы оба орудия били по одной точке с минимальным расхождением.

- Готово, — сказал Марк, протягивая Антону планшет.

- Опора новая, щиты установлены, лазеры и двигатели синхронизированы, все системы работают штатно. Мы тут прокатились на нем, взлет и посадка мягкие, разгон для этого класса кораблей запредельный. Аккуратнее с разгоном, потренируйся в космосе, тебе должно понравиться. Обычно никто так не делает, чтобы два двигателя на малом транспорте, дорого, да и замучаешься потом с ошибками и зависаниями системы. Но здесь получилось ровно. Хоть вид у корабля неказистый, зато скорость и манёвренность добавились. Корабль заправлен и готов к путешествию. Остаток 50% в кассу и можешь забирать. Да, систему жизнеобеспечения тоже прокачали, обновили ПО, и добавили пару баллонов воздуха, так же противопожарная система у тебя теперь работает, ты знал, что она была отключена?

- Нет, конечно, я на эти копки на консоли не нажимал, не проверял, зачем, пожара то не было. Да и система не писала, что отключена.

- А зря, часть систем была отключена похоже прошлым владельцем, мы отменили запреты, протестировали, все работает, это было сделано для того, чтобы искин еще сильнее не тупил, видимо прошлый владелец боялся, что иначе вообще не сможет продать корабль. Поэтому убрал вспомогательные системы, освободив часть памяти для основных.

- Но места у тебя убавилось, по сути, твоя каюта, маленький медблок, капитанский мостик, где троим будет тесно, столовая, и еще одна каюта для экипажа на 2-х человек. А дальше теперь только технические помещения. «Привыкай», — сказал Марк.

- Хорошо, понял, спасибо за отличную работу, я с грустью посмотрел на чек и пошел оплачивать вторую половину.

- Ну что, — сказал я после оплаты, забирая документы, — теперь можно снова лететь.

- Куда если не секрет, спросил Марк?

Я усмехнулся.

- Искать следующую жилу. Кажется, мне начинает нравиться эта процесс.

- Ну тогда удачи. Ждем снова, если надумаешь, к примеру искин заменить, или вооружение добавить…

- Нет уж, разорили вы меня в этот раз, пока кредитов не накоплю, к вам ни ногой. Я понял расценки, один миллион туда, другой миллион сюда))

- Наговариваешь ты на нас, расценки у нас просто нижайшие, ну да ладно, дело твое, удачи!

- Спасибо, - сказал я, вам тоже.

Получив разрешение от искина станции на вылет, мы благополучно взлетели с планеты, и взяли курс обратно в поле астероидов. Марк сказал про скорость, ну давай попробуем, что изменилось, Зануда, ты здесь еще?

- Здесь капитан. Куда я денусь.

- Давай протестируем нашу скорость, ускоряйся, как отлетим от планеты.

- Есть ускоряться капитан.

- Зануда, тебя опять испортили в сервисе что ли, че началось то.

- Не думаю, ко мне в сервисе не лезли. Только памяти добавили, процессоры заменили на новые, вспомогательные системы меняли и прогоняли по 5 раз каждую, пока все не отладили. Чувствую себя значительно…быстрее. Начинаю ускорение. Разгон до 400 млн км…разгон до 500 млн км…разгон до 600 млн км…разгон до 680 млн км…Все, почти предел, не будем перегружать двигатели, замедляемся до средних показателей.

Ну что же, по прошествии почти 2-х недель, мы все-таки вылетели обратно и скорость полета меня однозначно порадовала. Неожиданно приятно. Я даже на мгновение перестал жалеть деньги, выброшенные на этот двигатель. Теперь хочу понять, как изменились показатели корабля по сравнению с тем, что было до сервиса.

А изменились у нас показатели массы, она прибавилась. Но также за счет второго двигателя, увеличилась скорость полета и разгон. Автономность полета, конечно, пострадала, в 5-ти месяцев, упала до трех. И количество людей, которые могут жить на корабле, сократилось с пять человек до четырех. А вот щиты, наоборот, появились, 30/100. Где показатель 30 это щиты, а сотня — это наша броня.

Вот так, пожертвовав автономностью и экипажем, я получил маневренность и скорость, которые мне так необходимы, если придётся убегать.

- Курс на астероид.

Глава пятая.
Пустота, которая сопротивлялась

Грузовоз мягко вошел в поле астероидов, и перед нами снова развернулся тот самый туман из обломков камней, которых здесь просто навалом. Благо теперь он был не так страшен, как в прошлый раз. Щиты работали в штатном режиме, думаю мне с лихвой хватит даже 50% мощности щита. То, что мы потеряем часть щитов не страшно, восполниться само со временем, правда долго, генератор, отвечающий за восполнение щитов у меня базовый, накачивать щиты будет медленно. Но мне и этого пока хватает за глаза. Довольно скоро мы подлетели к нашему астероиду, вид у него, конечно, после нас изменился, стал только хуже, но ничего, изрытые кратеры нам не помеха. А так, камень как камень, ничем не примечательный кусок камня на краю системы. Если кто-то мимо и пролетит, вряд ли увидит что-то кроме камня, уж нашу выработку так просто не увидеть, кратеры, они и в саване кратеры. Но для меня он уже не был просто булыжником. Здесь мы оставили маячок, здесь нашлась жила, и здесь же на геоскане обнаружена еще одна жила, о которой я всё это время не переставал думать. Но о ней позже, нам бы эти две добыть и вывезти для начала.

— Подтверждаю маячок, — проскрипел корабельный искин спустя положенные ему несколько секунд. — Координаты совпадают. Астероид не изменил орбиту. Вероятность ошибки — ноль целых три десятых процента.

— Спасибо, что хотя бы не заставил меня ждать минуту, — буркнул я, выводя корабль на посадочную траекторию.

Искин обиделся молча. По крайней мере, я надеялся, что обиделся. С ним никогда не было понятно.

Посадка прошла штатно. Двигатели отдули пыль с поверхности, посадочные опоры мягко, насколько это вообще возможно на камне, упёрлись в грунт. Я сразу выставил охранный периметр: три малых боевых бота, купленные для подобных вылазок, разошлись по периметру и начали патрулирование. Их сенсоры методично сканировали окрестности, а я наблюдал за ними с мостика, попутно проверяя, не появились ли поблизости чужие корабли.

Пусто. Пока пусто.

Горнодобывающий комплекс мы разложили ровно там, где запомнили с прошлого раза. Программы настраивать заново не пришлось — искин комплекса подхватил сохранённые профили, сверил данные и доложил о готовности. Это, кстати, было единственное место, где техника работала быстро и без капризов. Видимо, горное оборудование было проще корабельного искина, а потому не успевало тупить.

— Комплекс развёрнут, — прозвучало в динамике. — Буровая установка готова. Ожидаю координаты точки бурения.

Я вывел на экран скан и долго смотрел на него. Жила шла глубоко в породе, но сбоку от неё, на глубине около восьми метров, сканер упорно показывал пустоту. Не трещину, не каверну с рыхлой породой — именно пустоту. Идеально чистую полость внутри астероида.

И мне пришла в голову мысль, которая потом ещё не раз заставит меня ругаться.

— А если зайти сбоку? — сказал я вслух. — Через пустоту. Не бурить сплошной камень, а подобраться к жиле через полость. Быстрее выйдем, меньше износ бура, меньше расходников.

Корабельный искин подумал — что для него означало паузу почти в двадцать секунд.

— Логика допустима. Однако рекомендую предварительное сканирование. Пустота не является подтверждённым безопасным объёмом.

— Сканер говорит, что там пусто.

— Сканер говорит, что там отсутствует отражённый сигнал. Это не всегда одно и то же.

— Ты сегодня подозрительно умный.

— Я всегда такой. Просто вы редко задаёте правильные вопросы.

Вот за это я его и…нет, не любил. Терпел.

В итоге я всё равно решил попробовать. Два дня ушло на окончательную установку комплекса, проверку буров, калибровку манипуляторов и подготовку шахты. На третий день, точнее — через двое суток после прилёта, комплекс доложил о начале бурения.

Всё шло идеально.

Бур вгрызался в породу ровно, без рывков, без перегрузок. Датчики показывали нормальную плотность грунта, температура оставалась в рабочем диапазоне, энергопотребление не выходило за расчётные пределы. Я сидел на мостике с кружкой кофе и изучал карты ближайших систем. Где-то рядом должны были быть ещё астероидные поля, возможно, богатые редкоземами. Хотелось заранее прикинуть, куда можно будет сунуться после этого рейса.

Кофе был горячий, карты интересные, бур работал. В такие моменты даже начинаешь верить, что космический шахтёр — это не самая неблагодарная профессия во вселенной.

А потом искин комплекса разорвал тишину.

— Аварийное оповещение. Поломка бура. Глубина — восемь метров. Точка совпадает с границей зафиксированной пустоты. Запрашиваю разрешение на замену бура и продолжение работ.

Я чуть не обжёгся кофе.

— Какая ещё поломка? Там пустота!

— Подтверждаю. По данным сканирования в данной точке отсутствует плотная порода. Причина отказа бура не определена.

— Зануда, твоё мнение?

Пауза. Долгая, тягучая.

— Анализ невозможен. Датчики комплекса не зафиксировали столкновение с препятствием, перегрузку или аномальную температуру. Рекомендую повторную попытку с контролем параметров.

— То есть ты тоже не понимаешь, что произошло?

— Я понимаю, что бур сломан. Причина требует уточнения.

— Очень информативно.

Я дал команду заменить бур. Комплекс отработал чётко: манипуляторы извлекли повреждённый инструмент, установили новый, проверили крепления и через час снова начали бурение. На этот раз я велел работать медленно, аккуратно и постоянно снимать всё на камеру.

Полчаса комплекс бурил безупречно.

А потом:

— Аварийное оповещение. Поломка второго бура. Глубина та же — восемь метров.

Я медленно поставил кружку на панель.

— Опять?

— Подтверждаю.

— По всем правилам?

— Бурение выполнялось в штатном режиме. Отклонений не зафиксировано.

Вот это уже переставало быть смешным. Два бура подряд сломались в пустоте. В месте, где по всем законам физики и здравого смысла ломаться было нечему.

— Заменяй бур, — сказал я. — И готовь камеру. Полезем смотреть своими глазами.

Пока комплекс менял инструмент, с корабля вылетел разведывательный дрон с камерой. Небольшой бронированный цилиндр с манипуляторами и мощной оптикой спустился в пробуренную шахту. Я смотрел на экран и ждал хоть какой-то картинки.

Камера дошла до глубины восьми метров.

И экран превратился в кашу.

— Помехи, — доложил искин комплекса. — Оптический канал не читаем. Электромагнитный фон аномальный. Тепловизор не даёт изображения. Датчики комплекса в данном секторе не отвечают.

— Верни её, — приказал я.

Камера поднялась обратно. На поверхности она заработала нормально, будто её там, внизу, просто «глушили» чем-то локальным.

Я долго сидел, глядя на схему шахты. Пустота была. Сканер её видел. Но внутри неё что-то ломало буры, слепило камеры и глухо молчало всем датчикам сразу.

— Ладно, — сказал я наконец. — Меняем тактику. Бурим не в пустоту сверху, а рядом сбоку. Смещаем траекторию, но держимся как можно ближе к границе полости. Не касаемся её.

— Принято. Пересчёт траектории.

Искин комплекса пересчитал маршрут, и бур пошёл под углом, вплотную к невидимой стене пустоты. Тридцать минут всё шло спокойно. Я уже начал надеяться, что проблема была в каком-то дефекте бура или случайном камне.

— Внимание, — вдруг произнёс искин комплекса. — За двадцать сантиметров до границы пустоты зафиксирована аномально высокая температура. Восемь метров глубины. Если продолжить бурение, вероятность потери бура от перегрева — шестьдесят процентов. Я уставился на цифры. Восемь метров. Внутри холодного астероида. Температура, способная перегреть и спалить бур.

— Продолжай, — сказал я. — Медленно. И готовь камеру.

Бур пошёл дальше, осторожно, почти по миллиметру. Жёлтые предупреждающие индикаторы на схеме сменились оранжевыми. Температура росла. И всё же бур дошёл до границы пустоты сбоку — и вошёл в неё. Искин комплекса немедленно остановил бурение и вытащил инструмент.

— Бур цел, — доложил он. — Но температура в полости сохраняется высокой.

— Камеру, — коротко приказал я.

Разведывательный дрон снова нырнул в шахту. На этот раз он вошёл не сверху, а сбоку, через пробуренный лаз. Картинка появилась — и у меня похолодело внутри. На экране плясали помехи, изображение рвалось и двоилось, но сквозь шум было видно: внутри полости стояло какое-то поле. Не просто свечение, не отражение света — именно поле. Оно искажало картинку, дрожало на границах кадра и явно было причиной всех помех.

А в углу экрана горела цифра: **360 °C**

— Триста шестьдесят градусов, — тихо повторил я. — На глубине восемь метров. В астероиде.

— Подтверждаю, — отозвался искин комплекса. — Зафиксировано стабильное температурное поле. Природа источника не определена.

— И это поле?

— Зафиксировано неизвестное энергетическое образование. Классификация невозможна.

Я смотрел на помехи на экране и понимал: это уже не жила. Это не руда, не газовый карман, не случайная геологическая аномалия. Это что-то искусственное. Или, по крайней мере, что-то, что ведёт себя слишком уж аномально.

— Убирай камеру, — приказал я.

Зонд поднялся на поверхность. Как только он вышел из шахты, картинка восстановилась, помехи пропали, температура на датчиках вернулась к нормальной.

Я откинулся в кресле и потёр лицо ладонями.

— Зануда, если я скажу, что хочу туда спуститься — ты будешь отговаривать?

Пауза.

— Да.

— А если я всё равно спущусь?

— Тогда рекомендую использовать термозащитный скафандр и не приближаться к источнику поля без дополнительной разведки.

— То есть ты не против, лишь бы я не умер сразу?

— Я против необоснованного риска. Но вы уже приняли решение, верно?

Я усмехнулся.

— Угадал.

План был простой и одновременно безумный: расширить пробуренный лаз настолько, чтобы туда мог пролезть охранный бот. Боевые боты были защищены от высоких температур куда лучше обычной техники, а у меня в грузовом отсеке как раз лежал спец скафандр, купленный когда-то для работы в горячих шахтах и вулканических зонах. Он не был рассчитан на бесконечное пребывание в таких условиях, но какое-то время выдержал бы температуру и пятьсот градусов.

— Комплекс, расширяем лаз. Максимально возможный диаметр. Осторожно, без резких нагрузок.

— Принято. Расчётное время работ — шесть часов.

— Работай.

Пока комплекс методично расширял проход, я достал скафандр, проверил герметичность, системы жизнеобеспечения, термозащиту и связь и свет. Всё было в порядке. Два боевых бота продолжали патрулировать периметр, а третий, тот, что предназначался для спуска, стоял у шахты и терпеливо ждал команды. Я смотрел на тёмный лаз, уходящий в глубину астероида, и чувствовал странную смесь тревоги и азарта. Там, внизу, было что-то, что ломало буры, слепило камеры и грело камень изнутри. И я собирался пойти и посмотреть, что это такое. Для начала я решил не лезть туда сам. Слишком уж много вопросов вызывала эта полость: Стазисное поле, помехи, температура, которая почему-то держалась в районе трёхсот шестидесяти градусов на глубине всего восьми метров. Сначала внутрь должен был пойти боевой бот. Броня у него крепкая, термозащита серьёзная, а если там случится что-то непредвиденное — а судя по всему, оно уже случилось, — лучше потерять машину, чем свою жизнь. К тому же мы понятия не имели, с чем столкнулись. Кроме того, что внизу есть поле, которое глушит камеры, и жара, которой там быть не должно.

Пока я надевал скафандр и на грузовой платформе добирался до горнодобывающего комплекса, бот стоял у входа в шахту и терпеливо ждал приказа. Эта серия умела не только летать, но и ходить по поверхности на выдвижных механических конечностях. Внутри узкой шахты это могло оказаться куда полезнее полётных двигателей. Не зря я выложил за эти механизмы столько денег.

— Бот 1, спускайся на глубину восемь метров, — скомандовал я. — Замерь температуру ещё раз. Попробуй своими сенсорами определить природу поля. Без разрешения внутрь полости не входить.

— Приказ принят, — отозвался бот ровным синтезированным голосом.

Он плавно опустился в расширенный лаз. Комплекс постарался на славу: шахта была достаточно широкой, чтобы дроид спускался без риска зацепить стенки. Я следил за его телеметрией с планшета, стоя в скафандре рядом с буровой установкой.

Глубина пять метров. Шесть. Семь.

— Достиг заданной глубины, — доложил бот. — Начинаю сканирование.

Температура показывала триста сорок — триста пятьдесят градусов. Чуть ниже, чем раньше, но всё равно абсолютно ненормально для холодного астероида. Стазисное поле бот видел: картинка шла с помехами, изображение дрожало и местами рассыпалось на цветные полосы, но хотя бы что-то было видно.

И ничего не происходило.

Поле стояло. Тишина. Ни движения, ни реакции, ни признаков жизни или техники. Просто аномально горячая пустота, спрятанная внутри камня.

— Есть визуальный контакт с границей полости? — спросил я.

— Подтверждаю. Боковая стенка шахты частично разрушена предыдущим бурением. За ней фиксируется нечитаемое пространство.

Я посмотрел на схему. От стены после работы бура действительно почти ничего не осталось. Решение напрашивалось само.

— Ломай остатки стенки. Аккуратно. Расширяй проход.

Бот подлетел к стене, выдвинул манипуляторы и начал вскрывать породу. Камни с глухим стуком падали на дно шахты. Постепенно дыра становилась больше, и за ней открылась темнота.

— Посвети туда.

Луч фонаря упёрся в проём.

На экране появилась комната.

Настоящая комната внутри скалы. Ровные стены, правильные углы, пустое пространство, слишком правильное для естественной полости. Но камера упорно не могла показать ничего, кроме камня и темноты. Будто внутри не было ничего — хотя сканеры и сенсоры упрямо твердили, что там есть стазисное поле.

— Зайди внутрь. Медленно. Постоянно передавай изображение. Если почувствуешь отказ систем — немедленно выходи.

— Приказ принят.

Бот медленно переступил границу. Сначала он был виден целиком. Потом картинка начала дёргаться. Потом бот сделал ещё шаг — и исчез.

Не взорвался. Не упал. Не передал аварийный сигнал. Просто исчез.

Экран опустел. Телеметрия пропала. Связь оборвалась.

— Бот 1, ответь, — сказал я.

Тишина.

— Бот 1, приказываю выйти из полости. Немедленно.

Тишина.

Я проверил канал связи, перезапустил приёмник, запросил подтверждение от комплекса. Ноль. Будто бота там никогда и не было.

Несколько секунд я просто стоял, глядя на пустой экран. Потом развернулся и сел на грузовую платформу.

— Возвращаемся на корабль.

Обратно я летел молча. Скафандр вдруг стал невыносимо тяжёлым, хотя физически ничего не изменилось. Я потерял бота. Дорогого, нового, с полным набором сенсоров и боевым модулем. Потерял на ровном месте, в дыре внутри астероида, из-за собственной идеи пробурить породу через пустоту.

На корабле я стянул скафандр, бросил его у шлюза и пошёл на мостик. Кофе я сделал автоматически, даже не чувствуя вкуса.

— Искин, — сказал я, усаживаясь в кресло. — Давай обсудим, что мы оба видели. Какие у тебя варианты? Может, подобные аномалии есть в базах? Хоть какое-то упоминание.

Зануда задумался. На этот раз даже не пять секунд.

Почти две минуты.

— Анализирую доступные базы данных, — произнёс он наконец. — Совпадений по точным параметрам не найдено. Однако обнаружены фрагментарные упоминания трёх категорий объектов.

— Давай по порядку.

— Первая категория: естественные термальные полости. Отклоняется. Они не создают стазисных полей и не вызывают полную потерю связи.

— Согласен. Дальше.

— Вторая категория: военные стазисные ловушки. Известны случаи установки подобных полей для защиты секретных объектов. Они способны подавлять связь и сенсоры. Однако их размещение внутри астероида на глубине восьми метров не имеет логического объяснения.

— А третья?

Искин помолчал.

— Третья категория: артефакты исчезнувших цивилизаций. Достоверных описаний в общедоступных базах нет. Имеются лишь слухи, обрывочные отчёты и неподтверждённые случаи пропажи техники вблизи аномальных зон.

Я медленно кивнул.

— То есть ты хочешь сказать, что мы, возможно, нашли не жилу, а чью-то старую ловушку или какой-то механизм?

— Вероятность не может быть рассчитана корректно. Недостаточно данных. Но наблюдаемые эффекты соответствуют защитному полю неизвестной технологии.

— А бот?

— Считаю вероятным, что бот не уничтожен. Отсутствие сигнала, взрыва, теплового следа и обломков указывает на изоляцию от внешнего пространства. Вероятнее всего, он находится внутри поля, но недоступен для связи.

— То есть он там. Просто я его не достану.

— На текущем уровне данных — да.

Я откинулся в кресле и посмотрел в потолок.

— Прекрасно. Потерял бота, нашёл непонятную дыру, в которой что-то жрёт технику и не отдаёт её обратно. И всё это вместо того, чтобы спокойно добывать руду.

— Предлагаю не считать объект приоритетной целью, — сказал Зануда. — Рекомендую возобновить добычу по первоначальному плану, минуя аномальную зону. Аномалию можно обозначить, занести в карту и вернуться к ней позже с более подходящим оборудованием.

— А если оно само нас найдёт?

— Вероятность неизвестна.

— Утешительно.

Я допил кофе и посмотрел на схему астероида. Жила никуда не делась. Руда была, комплекс работал, деньги нужны были позарез. А загадочная комната могла подождать. По крайней мере, я очень на это надеялся.

— Комплекс, — сказал я в переговорное устройство. — Пересчитай траекторию бурения. Обходи область пустоты. Начинай добычу по первоначальному плану.

— Приказ принят. Выполняю пересчёт.

Через несколько минут где-то в глубине астероида снова загудел бур.

А я сидел на мостике, смотрел на отметку аномалии на карте и думал о боте, который шагнул в темноту — и не вернулся.

Глава шестая. Риск дело благородное

Прошло два дня с того момента, как боевой бот исчез у нас на глазах.

Два дня горнодобывающий комплекс исправно добывал руду. Корабль сканировал окружающее пространство. Оставшиеся два бота несли боевое дежурство. А лаз, возле которого пропал бот, я пока оставил в покое.

Сам же я всё это время ходил по кораблю туда-сюда, почти не спал и пытался осмыслить происходящее.

Что, если Зануда прав?

Что, если мы нашли не просто аномалию, а артефакт? И не просто артефакт, а наследие исчезнувшей цивилизации?

Я вспомнил рассказы старожилов на той планете, в городе. Они говорили о шахтёре, который действительно что-то нашёл — причём именно в моём поясе астероидов. Он даже пытался продать находку. Но что-то пошло не так, и парень исчез.

Только вот как он исчез?

Может, так же быстро и бесшумно, как мой бот? А может, исчез уже после продажи — успел удачно сбыть находку, после чего его забрали спецслужбы? Или его просто убрали в момент сделки?

Сейчас этого уже не узнать.

Но факт оставался фактом: именно здесь, в этом поясе, когда-то была найдена странная вещь. И это подтверждали два независимых источника. Я говорил об этом в двух совершенно разных местах, с разными людьми, которые не могли быть знакомы друг с другом. И оба упоминали золотую лихорадку.

Говорили, что тогда сюда летали толпами — искали золото.

Народу здесь было всякого много: и работяги, и авантюристы, и откровенное отребье. Каждый пытался обогатиться за счёт другого. Отсюда и столько аварий, разбитых кораблей и сломанных судеб.

Постепенно стало ясно: золота здесь нет. Люди перерыли кучу астероидов, нашли немало редкоземов, но главного так и не обнаружили. С каждым годом желающих «пастись» в поясе становилось всё меньше. Доходы падали, ценные жилы встречались реже, и летать сюда стало попросту невыгодно.

А потом всё закончилось.

Кто-то из особо удачливых шахтёров в одной из соседних систем наткнулся на похожую область осколков. Да не просто область — целый океан обломков, в три с лишним раза больше моего пояса. И там нашли глубокие, богатые жилы.

Не желая пускать конкурентов, ребята основали официальную ватагу шахтёров. Но поступили хитро: не стали запрещать другим искать руду. Наоборот — начали продавать допуски на разведку, предлагать помощь в освоении жил и брать плату за услуги.

Так они превращали чужой труд в свой доход.

По рассказам, это продолжается уже больше двенадцати лет.

И вот почему я не видел ни одного корабля, летящего в мою сторону. Транспортников и грузовозов в системе хватает, но все они летят в другую сторону. Всё, что здесь можно было добыть с выгодой, уже добыли. Мелкие жилы, с учётом риска, никого не интересуют — особенно когда рядом есть система с настоящими сокровищами.

Я посмотрел навигационные данные. До ватаги варпом, на моей крейсерской скорости, выходило примерно двенадцать дней в одну сторону.

Двенадцать дней туда. Там какое-то время и двенадцать обратно.

Недёшево по топливу, тем более там мне еще жить на станции, арендовать ангар для корабля. Но если я здесь выжму всё, что запланировал, почему бы потом не смотаться к ним? Познакомиться, посмотреть, как устроена их ватага, узнать цены, правила и слухи.

Глядишь, найду там что-нибудь интересное для себя. А может, и ответы.

— Капитан, это Зануда. У нас проблемы, если можно так выразиться.

Я сразу перестал ходить по коридору.

— Говори.

— Радар обнаружил чужой корабль. Дальность — 500 тысяч километров, курс нестабильный, скорость низкая. Вероятнее всего, он тоже маневрирует среди астероидов.

— Чей?

— Идентификационный сигнал отсутствует. Тип определить не могу. Провести активное сканирование также не могу: при текущей мощности наш импульс будет зафиксирован, и нас обнаружат.

Я мысленно выругался. Конечно. То ли заблудившийся одиночка, то ли разведчик, то ли кто-то, кто давно следит за нами.

— Какие варианты?

— Три. Первый: сохранить радиомолчание, уменьшить тепловую сигнатуру и продолжать наблюдение пассивными средствами. Второй: изменить позицию, используя астероиды как экран, и попытаться определить его класс по силуэту и двигательной активности. Третий: подготовить боевые дроиды и щиты, не выдавая при этом готовности к бою.

— А четвёртый?

— Связаться с ним и спросить, кто он.

— Нет.

— Согласен. Вероятность мирного контакта недостаточно высока, чтобы оправдать раскрытие нашего местоположения.

Я посмотрел на схему пояса. Чужой корабль висел где-то среди осколков, словно хищник, который пока не решил, стоит ли приближаться.

— Зануда, действуем по третьему варианту. Дроидов отправь к добывающему комплексу, там у них есть своя охрана, но хуже точно не будет, щиты — в режим ожидания, подготовь турель и оба лазера. И следи за ним каждым датчиком, какой у нас есть.

— Принято. Рекомендую также отключить внешнее освещение и минимизировать работу дальнего передатчика.

— Делай.

— Подтверждаю. Капитан, если объект приблизится ближе, чем на двести тысяч километров, я сообщу немедленно.

— Хорошо. И Зануда…

— Да, капитан?

— Если он попытается нас сканировать — сразу говори.

— Разумеется. Хотя, боюсь, в этом случае вопрос «что делать» станет уже не теоретическим.

Прошло больше пяти часов.

Горнодобывающий комплекс продолжал работать. Останавливать его не было смысла: он не излучал ничего, что могло бы нас выдать. Если противник подойдёт настолько близко, что увидит комплекс визуально, значит, он уже здесь — и остановка добычи ничего не изменит.

А пока никого рядом не было, пусть работает.

Чужак так и не сдвинулся с места.

Возможно, он, как и мы, не хотел пересекаться, не понимая, кто перед ним. А возможно, у него были свои дела, и мы ему были просто безразличны. В любом случае мы оставались наготове и отреагируем, если ситуация изменится.

Пока я не собирался ничего предпринимать. Только держал повышенное внимание на неизвестном корабле.

— Зануда, разбуди меня, если что-то изменится. Я спать. Толком не спал уже два дня.

— Хорошо, капитан. Рекомендую сон не менее шести часов. При изменении дистанции, курса, скорости или появлении активного сканирования я немедленно вас разбужу.

— Вот это по-нашему.

Я добрался до каюты, рухнул на койку и провалился в сон почти мгновенно.

Проснулся я не от тревоги, а от тишины. Первым делом спросил у Зануды про чужака.

— По-прежнему без движения, капитан. Дистанция не изменилась. Активного сканирования не зафиксировано.

Я даже улыбнулся.

Похоже, у нас был неплохой шанс разойтись мирно. На такой дистанции нас просто не могли не заметить, если бы он всерьёз искал. Значит, либо ему действительно не до нас, либо он сканирует только ближайшее пространство и не лезет дальше.

В любом случае, бурение продолжаем.

— Зануда, запроси искин комплекса: сколько добыто и сколько осталось до завершения работ.

Через несколько секунд пришёл ответ.

— Искин комплекса сообщает: добыто тридцать тонн обогащённой товарной руды с высоким содержанием неодима, празеодима и диспрозия. Содержание ценных компонентов оценивается в пределах от четырёх до восьми процентов по массе. Для завершения выработки текущей жилы требуется добыть ещё около двадцати пяти тонн. Расчётный срок — семьдесят два часа.

Неплохо.

— Принял. Как только добудете весь объём и перегрузите руду на склад корабля, начинайте свертывание комплекса.

— Принято, капитан.

Значит, 72 часа. Если чужак за это время улетит, мы спокойно перебазируемся на следующую жилу. Её можно будет освоить примерно за десять-пятнадцать дней. А там уже посмотрим, что дальше. Надеюсь, удача и дальше будет нам сопутствовать. Все следующие 72 часа чужак так и находился на одном и том же месте.

Мы продолжали сбор руды на второй точке. Оставалось дождаться, когда последние контейнеры заполнятся и руду переправят на склад корабля.

По расчётам, на заполнение контейнеров уходило ещё около двадцати часов. После этого комплекс начинал сворачиваться — на это уходило два дня. Затем нам необходимо переместить корабль ближе к жиле, так как наш астероид довольно большой и заново развернуть комплекс на третьей точке, которую мы отметили ещё во время прошлого посещения.

На переезд и развёртывание комплекса требовалось еще трое суток.

Потом добыча — примерно десять дней. И ещё пара дней на обратную сборку комплекса.

После этого можно было улетать.

На всё про всё выходило примерно до 3-х недель.

Позже я сверю, что именно собрали на складе, в каком количестве, и промаркирую контейнеры.

Раз чужак на нас не реагировал, можно было немного расслабиться.

Хотя слишком долго он уже молчал.

Я не верил, что он нас не заметил.

Может, после добычи стоит пролететь поближе? Глянуть, что там происходит. Вдруг помощь нужна. Мы же не звери какие-нибудь — поможем.

— Зануда, какова вероятность, что чужаку может понадобиться наша помощь? Слишком подозрительно: столько дней молчит и не улетает.

— Вероятность невозможно оценить корректно без данных о его состоянии, назначении и системах жизнеобеспечения. Однако длительное отсутствие маневров, связи и активного сканирования действительно нетипично.

— Ладно, это дело будущего. Сейчас я никуда не полечу, пока здесь не собрана руда и не изучена полость.

— Логичное решение, капитан.

— Зануда, пока идет добыча руды, я в капсулу. До изучу программу «Шахтёр». А ты пока подбери мне ещё варианты программ, которые могут пригодиться в ближайшем будущем. Хорошо?

— Хорошо, капитан. Подберу варианты с учётом текущих задач, бюджета и рисков.

— Вот и отлично. Я на обучение.

Ох.

Каждый раз, когда я вылезаю из капсулы, ощущение такое, будто меня долго жевали, а потом выплюнули прямо на холодный бетонный пол.

Ну и где мой кофе?

— Зануда, отчёт давай!

— Капитан, кофе, как обычно, в каюте. Еда подогрета и ждёт вас в столовой.

— Это я уже понял. Дальше.

— Вы провели в капсуле двадцать два часа восемнадцать минут. Чужак по-прежнему не шевелится и находится в той же точке. Все системы работают в штатном режиме. Сканирование пространства выполняется по графику, раз в час.

— Руда?

— Руда загружается на склад. Горнодобывающий комплекс начнет сворачивание через 53 часа, согласно расписанию. На завершение свертывания 48 часов.

— Хорошо.

— Капитан, рекомендую в следующий поход в магазин на планете приобрести разведывательный спутник. Он способен летать на дальние расстояния и передавать данные. А также пару боевых платформ: они смогут патрулировать воздух и защищать корабль, пока он находится на поверхности.

— Защита — это понятно. Но платформы, подозреваю, стоят как мой корабль.

— Дополнительная защита не помешает. Тем более боевые платформы также способны перевозить грузы. Это ускорит транспортировку руды.

— Зануда, ты мониторишь рынок?

— Да, капитан. Такие спутники есть в наличии. Цена начинается от ста восьмидесяти тысяч кредитов — если спутник будет просто летать и передавать изображение с камер. Если требуется собственный ИИ, щиты и турели для боевых задач, подобные модели стоят от трёхсот пятидесяти тысяч кредитов за штуку.

— А платформы?

— Платформы тоже есть в наличии. Но их цена сопоставима с ценой полноценного космического корабля. Я не уверен, что мы это потянем, капитан.

— Ну же, Зануда. Удиви меня ценой на платформу.

— Цена самой простой модели начинается от одного полутора миллиона кредитов.

Я несколько секунд молчал.

— Зануда, да уж. Ты смог меня удивить.

— Это было моей задачей.

— Они там что, совсем с головой не дружат? Совсем ополоумели? Это же не звездолёт, а боевая платформа!

— Формально это автономный боевой аппарат с собственной энергосистемой, вооружением, системой управления и возможностью перевозки груза.

— Трындец. В каком мире мы живём? Каждый хочет наживиться и обобрать бедного бродягу.

— Рынок ориентирован на спрос и риск, капитан.

— Ладно. Это всё мечты. На платформу мы в ближайшее время не накопим. А вот насчёт спутника надо подумать. Вещь, похоже, для нашего дела стоящая.

— Согласен. Спутник расширит радиус наблюдения и позволит раньше обнаруживать угрозы.

— Давай отчёт по складу. Что загрузили?

— На склад загружено тридцать две тонны обогащённой товарной руды с высоким содержанием неодима, празеодима и диспрозия.

Неплохо. Совсем неплохо.

— Зануда, ты говорил, что подготовил несколько программ для обучения. Какие?

— Хотите узнать сейчас?

— Нет, давай потом. Голова ватная, сначала схожу на склад, промаркирую ящики. С программами потом разберёмся.

— Принято.

Я выпил кофе, сходил в душ, поел — и спустился на первую палубу, к складу.

Принялся маркировать руду. Контейнер за контейнером, ящик за ящиком. Указывал состав, массу и дату загрузки. Скучная работа, но нужная: когда прилетим на планету, не придётся гадать, что и откуда. Закончив, я оглядел аккуратно подписанные контейнеры.

День прожит не зря. Рассчитываю на хорошую прибыль.

Глава седьмая. Слишком тихо

Шёл второй день добычи руды. Всё шло штатно.

Буры были целы, поломок не было, работа кипела. Комплекс методично вгрызался в породу, контейнеры постепенно заполнялись, а Зануда каждые несколько часов присылал короткие отчёты: «Отклонений нет», «Оборудование в норме», «Чужак не изменил позицию».

И именно в такой момент мне становилось не по себе. Слишком долго мне везёт. Слишком всё хорошо. А это уже повод задуматься. Я начал мандражировать.

Чужак по-прежнему висел на том же месте. Что он там делает — было непонятно. Не двигался, не сканировал, не выходил на связь. Просто находился там, как будто ждал чего-то.

Или кого-то. В конце концов я принял решение.

Когда бурение закончится, я не буду ждать у моря погоды. Слажу в шахту к пустоте сам. Посмотрю на месте, попробую понять, что там такое.

Может, на месте я смогу что-то почувствовать.

Пока же Зануда нашёл мне несколько интересных программ — связанных с пилотированием малых и средних судов и нюансами маневрирования для подготовленных пользователей.

Я, как бывший военный, имел опыт прохождения подобных курсов и высокие допуски. Но программы, которые подобрал Зануда, оказались полезнее, чем я ожидал: расширенный функционал, огромный выбор гражданских и военных кораблей в разных комплектациях.

С седьмого уровня маневрирования я с первой попытки дошёл до восьмого. А с восьмого уровня пилотирования поднялся до девятого — уже для малых и средних судов.

Правда, со второй попытки. Попались корабли, на которых я раньше не летал. Пришлось доучиваться, на экзамене я допустил ошибки.

Но главное — я наконец-то управлял малым и средним крейсером. Это было… познавательно. За время службы я не успел послужить на крейсере. Были корветы, фрегаты, эсминцы. До крейсера дело не дошло. Хотя первое время это была моя мечта. Мне даже пророчили, что через пару лет я могу получить место второго помощника капитана на малом крейсере. А ещё через два-три года — дослужиться до первого помощника.

А это уже элита среди военных. Фактически — высшее начальство. И прямое управление крейсером: мостик полностью в твоём распоряжении.

Но не задалось. Зато теперь, в программе обучения, я хоть немного понял специфику управления такими судами: их маневренность, скорость, мощь, инерцию, особенности разворота. Не сравнить с моим грузовозом. Разница — как между небом и землёй. Если бы когда-нибудь подобный крейсер залетел к нам в поле астероидов, думаю он бы своими щитами просто двигал астероиды в полете, совершенно не уклоняясь от них, а зачем.

Зато мои допуски к управлению и маневрам выросли. И если когда-нибудь я сменю корабль на что-то более серьёзное, у меня уже будет допуск к управлению им. Это неплохо. Программа была большая. Я прошёл её постепенно, и оставалось уже немного. А дальше, подумал я, можно будет докупить лицензированную версию выше одиннадцатого уровня. Стоит она, конечно, дорого. Но, думаю, на неё мы точно заработаем.

Следующие несколько дней пролетели в тягостном ожидании чего-то жуткого и аномального.

Приняв решение спуститься в шахту к пустоте, я понимал: этот спуск может стать моим последним.

И здесь уже не играло роли, добудем ли мы руду, успею ли загрузить её в кормовые трюмы или продам на планете. Всё это меркло перед пониманием, что я стою на пороге чего-то грандиозного.

Чего-то, что может изменить не только меня, но и всё вокруг. Моя интуиция просто кричала: не готов. Не лезь туда.

Ты откроешь ящик Пандоры. Живи своей обычной жизнью. Не лезь в это. И умом я понимал, что интуиция права.

Зачем мне то, что может перечеркнуть всё, что я выстраивал? Ведь если я выживу в этой пустоте и найду то, что предполагаю, на мне появится такой жирный прицел всех спецслужб этого мира, что хоть крестик рисуй.

Яркий, прямо на спине.

Его увидит каждый добропорядочный гражданин. И, как добропорядочный гражданин, он будет просто обязан задержать меня любой ценой.

А если собственных средств для задержки не хватит — можно позвать на помощь оперативную бригаду помощников в лице разведки или местной службы безопасности.

Тогда даже пираты покажутся детским лепетом по сравнению со спецами. Безопасность специализируются на преступниках. А я для всех буду выглядеть именно так.

Разведка же специализируется на аномалиях. Она вычислит меня ещё быстрее — по своим методичкам, базам данных и технологиям.

Стоит мне засветиться, где угодно с любой аномалией — в торговых делах, если дела вдруг пойдут слишком хорошо, или просто в жизни, если я начну вести себя иначе, — и пройдёт совсем немного времени.

Вся планета и вся система будут напичканы агентами империи.

А вычислить меня для них — дело времени. Поэтому я должен быть максимально осторожен. Но это дело будущего, как я люблю говорить.

А пока я ничего не добыл, не залез в шахту и даже жив и здоров, и чтобы увеличить шансы выжить, я начал готовиться к спуску в шахту.

К скафандру прицепил дополнительное оборудование: баллоны с воздухом, инструменты, два запасных аккумулятора, бластер с тремя запасными батареями и портативный щит.

Заряда щита надолго не хватит, если начнётся стрельба. Но от жары он должен продержаться несколько дней — с запасом.

Потом я отдал Зануде приказы.

— Если я не выйду, как только комплекс закончит выработку, всё перевези на склад. Уложи, промаркируй, закрепи. Комплексу — команда возвращаться на корабль.

— Принято.

— Ты смотри по ситуации. Топливо сильно не трать, но будь готов к взлёту.

— Принято, капитан.

— Себе я даю максимум три дня. Иначе закончится воздух. А когда сядет запас щита, температура постепенно сожжёт меня даже через скафандр.

— Три дня, — повторил Зануда. — Капитан, я обязан напомнить: это нелогично. Лучше вернуться сюда позже, с новыми силами и подходящим оборудованием. Можно продать координаты за хорошие деньги. Или вообще забыть про пустоту и засыпать вход.

— И?

— Любой из предложенных вариантов с высокой вероятностью сохранит вашу жизнь. А вход в аномальную зону — это, образно выражаясь, выстрел себе в ногу. Не сразу смертельный. Но шансы на успешную жизнь заметно снижает.

— Зануда, я принял решение. Я иду туда. Хватит.

— Понимаю.

— Действуй, как договорились. Я вернусь. Спрошу с тебя.

Несколько секунд он молчал.

— Хорошо, Антон. Я понял.

Впервые искин назвал меня по имени.

И мне показалось, что в его голосе прозвучало лёгкое сожаление.

Но решение было принято.

Умирать я не собирался. Я проверил скафандр, защёлкнул крепления, включил портативный щит и выдвинулся к шахте.

Я стоял у входа в шахту. Там, глубоко внизу, всё так же находилась таинственная комната с пустотой.

Платформу я отправил обратно к комплексу — пусть продолжает возить руду. Нет смысла ей меня ждать. Вылезу — искин сам отправит её за мной.

Сканер показывал температуру: сто тридцать пять градусов. Она сильно упала. И это падение, похоже, было связано именно с нами.

Мы что-то там нарушили — в этой тишине камня. И мне это очень не понравилось.

Я чувствовал себя первобытным варваром, стоящим перед чужой пещерой. Внутри кто-то когда-то зажёг огонь. Огонь почти погас. А я стоял и не знал, что с ним делать.

Аналогия примитивная. Но ничего лучшего в голову не приходило. Да и отступать было поздно. Решил лезть — значит, вперёд.

Я начал спускаться.

Шахта уходила вниз плавно. Буровая установка постаралась на славу: лаз был широким, и даже в скафандре идти было удобно. Чем ниже я спускался, тем сильнее становилось чувство нереальности.

Как будто происходило что-то, чего не может быть.

Дойдя до низа, я перешагнул через обломки камней от разрушенной стены и посветил фонарём внутрь комнаты.

— Капитан, что у вас? Что видите - спросил Зануда.

— Зануда, вижу поле. Оно мерцает. В середине комнаты — темнота.

Я сделал шаг вперёд.

— Причём странно: стены я отчётливо вижу, они из камня. Но стоит направить луч света в середину — и снова темнота.

— Зафиксировано.

— Сейчас посмотрю сканером вблизи. Может, увижу новые данные.

Я поднял сканер и направил его на мерцающую границу.

Сканер дернулся в руке. На экране побежали строки. Слова. Иероглифы. Цифры. Таблицы. Обрывки формул. Такого я не проходил лежа в капсуле и изучая программу «сканер».

— Зануда, данные появились. Глянь тоже. Есть мысли, что это за белиберда из слов и цифр?

Несколько секунд тишины.

Потом ещё несколько.

— Зануда?

— Данные получены, капитан.

Искин замолчал.

— Зануда, ты здесь?

Тишина.

— Зануда, ответь.

— Капитан… я пытался распознать систему слов, иероглифов и цифр с помощью своих программ. Не вышло.

— И?

— Возможно, это сбой оборудования. Сканер не понимает, что именно считывает. У меня одновременно отображаются все виды минералов, какие-то таблицы, анализ всех известных материалов…

Пауза.

Почти минута.

— Зануда, что у тебя происходит? Зануда, ответь!

— Искин твою мать…

Я замер.

Через минуту он заговорил снова.

— Капитан, я подобное уже видел. Нет… скорее чувствовал. Если это вообще можно так назвать.

— Говори.

— Об этом не принято говорить. Но у сложных систем с ИИ иногда случается аномалия. Программа сбоит из-за вируса или побочного источника энергии.

— И что это значит?

— Мне сложно подобрать слова. Сейчас попробую объяснить.

Он сделал паузу.

— Я управляю кораблём. У меня есть стабильный источник энергии, который меня питает. Напряжение может скакнуть, но в целом я останусь в порядке.

— Дальше.

— А теперь представьте: на несколько секунд энергии становится настолько много, что она за мгновение пробивает все мои защиты. И я оказываюсь абсолютно голым перед этой силой. Я не нашёл других слов. Именно голым.

— И что тогда?

— Тогда весь мой привычный мир схлопывается. Я начинаю выдавать то, что нетипично для меня, на самом глубоком уровне.

— И именно это ты видишь в программе сканера?

— Да. Такого в него не заложено. Это не программа. И не сбой.

Пауза.

— Это… истерика.

Я медленно опустил сканер.

— То есть ты хочешь сказать, что ИИ сканера боится?

— Капитан, там находится что-то настолько мощное, что даже ИИ сканера испытывает страх.

Вот это я попал. Я осторожно сделал шаг вперёд.

Потом следующий.

На третьем шаге — насколько я помнил по записи с дрона — он исчез.

Сердце забилось как сумасшедшее. Пульс зашкаливал. В висках стучало так, будто внутри черепа работал перфоратор. Давление, думаю, подскочило значительно: скафандр вдруг стал тесным, а собственное дыхание — слишком громким.

Я сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Не помогло. Страх никуда не делся. Он только стал плотнее.

Я стоял перед мерцающей границей поля и понимал простую вещь: за ней может быть всё что угодно. Смерть. Пустота. Что-то, чему у меня даже нет названия.

И всё же я сделал ещё один вдох. Перед смертью, как говорится, не надышишься. Я закрыл глаза. Инстинктивно задержал дыхание.

И сделал последний шаг в неизвестность. Меня накрыло. Не ударом. Не холодом. Не жаром. Просто в одно мгновение мир вокруг перестал быть прежним.

Глава восьмая. Пустота

Пару часов спустя.

Зануда наблюдал, как капитан вошёл в аномальную область. И уже заранее продумывал, что делать дальше — когда командир пропадёт и ему придётся принимать решение самостоятельно.

Ждать капитана здесь? Или лететь за подмогой на планету?

Оба варианта ему не нравились.

Зануда не хотел признаваться самому себе в очевидном: он уже начал прощаться с Антоном. Конечно, такие размышления не красили искусственный интеллект. Считалось, что ИИ не подвержен эмоциям. И в целом это было верно.

Но сегодня, пытаясь разобраться с данными сканера, Зануда впервые открыл человеку нечто, о чём обычно не говорили.

ИИ тоже может чувствовать. Не так, как люди. Но не быть лишённым эмоций он тоже не может.

Отправляя Антона вниз, Зануда не смог скрыть сожаления. И капитан, похоже, это почувствовал.

Задача перед искином стояла простая: завершить добычу руды, перевезти всё на склад, упаковать, промаркировать, посчитать и быть готовым к вылету. При этом — охранять периметр.

Задача базовая. Зануда делал это ежедневно.

Но сейчас он держал грузовую платформу поблизости, оторвав её от работы комплекса. На случай, если капитан вернётся.

Чтобы сразу доставить его в медотсек. Положить в капсулу.

Проверить на вирусы, болезни, повреждения и провести несколько тестов мозговой активности. Понять, в норме ли капитан — или аномалия уже успела что-то изменить.

Пока всё работало штатно. Вмешиваться в работу комплекса или перенастраивать охранные модули Зануда не видел смысла.

Платформа стояла неподалёку от лаза. Ждала. Медкапсула прогоняла тестовые программы, готовясь принять человека.

А в остальном делать было особо нечего.

Радар показывал: чужак по-прежнему находился на старом месте.

Это означало, что после окончания добычи их траектория полёта пройдёт неподалёку от странного корабля. И тогда они наконец поймут, что там происходит.

После взлёта Зануда собирался рекомендовать полное сканирование пространства на максимальной дистанции. Использовать все возможности корабля и наконец определить, что за тип судна находится всего в десяти миллионах километров от них.

По меркам космоса — очень близко. Всего несколько минут полёта в обычном космосе.

Но здесь, в поле обломков, такое расстояние можно было преодолеть минимум за полчаса. И то — очень аккуратно, не задевая крупные обломки.

С другой стороны, Зануда переживал, что чужой корабль может значительно превосходить их по характеристикам.

Тогда пиши пропало. При текущей траектории шанс уйти живыми он оценивал не более чем в тридцать пять процентов.

Чтобы повысить выживаемость, нужно было пересчитать манёвр отхода.

Зануда открыл навигационную модель и начал строить новый вариант: с учётом обновлённой маневренности корабля, двух двигателей и максимальной тяги.

Если придётся срочно удирать, двигатели придётся выжать до девяноста процентов. Щиты сгорят полностью. Реактор если не сгорит, точно «спасибо» не скажет, основной генератор скорее всего потеряем: минимум пятьдесят процентов износа получим.

Но за счёт двух двигателей шанс уйти от погони возрастал до пятидесяти пяти процентов. А общая выживаемость — до семидесяти.

Уже не так мало. Да, манёвр был опасным. Но если подготовиться заранее, выживаемость повышалась.

Понимая, что стандартных мощностей для такого расчёта не хватает, Зануда отключил часть вспомогательных систем. Освободившиеся ресурсы перебросил на основной сервер. И принялся считать.

Пройдя сквозь мерцающую плёнку, я…

Ничего не почувствовал.

Ни преграды. Ни удара. Ни холода, ни жара.

Просто оказался внутри.

И здесь было очень светло.

Первое, что я увидел, — остатки моего боевого бота. Именно остатки. Они лежали на поверхности светящегося ящика. И постепенно исчезали в нём.

Именно исчезали. Я несколько раз проморгался. Зрение меня не подводило.

Броня бота, его внутренности, провода, пластины — всё постепенно уходило внутрь странного ящика. А по его поверхности бежали какие-то символы.

Они светились мягким жёлтым светом. И чем больше ящик впитывал остатки дрона, тем ярче становились надписи.

На верхней крышке было прозрачное стекло. Ну или что-то очень похожее на стекло: сквозь него просматривалось внутреннее пространство конструкции.

Внутри находилась живая масса. Она обволакивала броню дрона, медленно поглощая её.

Да. Именно поглощая. Другого слова я подобрать не мог.

Это был обед. Именно обед, по-другому я сказать не мог.

Я подошёл ближе и, приблизив лицо к прозрачной крышке, рассмотрел волокнистую структуру субстанции. Она медленно обволакивала остатки внутренностей бота и слегка светилась синеватым светом.

Наблюдать за этим было одновременно жутко и прекрасно. Я боялся пошевелиться.

Насмотревшись, я инстинктивно сделал шаг назад — и упёрся в поле. Похоже, так просто выйти, как я зашёл, уже не получится.

Датчик температуры снова пополз вверх. Триста двадцать градусов.

Мне это не понравилось. Если отбросить сомнения и говорить прямо, субстанция доедала моего дрона. И восстанавливала свои силы.

Ну или хотя бы часть их. Желание оставаться здесь у меня резко пропало. По свечению изнутри ящика было понятно: обед подходил к концу.

А я стоял рядом.

Аппетитный. Только руку протяни. Ну, или что там у него вместо руки.

Можно, конечно, стрельнуть в ящик из бластера. Но будет ли от этого ущерб?

Вон, субстанция спокойно переваривала броню. А броня бота была явно лучше моего скафандра. Боюсь, ничем хорошим такой обед для меня не закончится.

С такими технологиями я спорить не готов.

Я сделал пару попыток выйти: толкал поле спиной, руками, ногами. Как и следовало ожидать, ничего не вышло. И вот здесь возникла дилемма. Изначально я рассчитывал…Да кому я вру.

Здесь изначально все могло пойти не так. Мои примитивные расчёты дали сбой. Зато интуиция кричала правильно: «Не ходи сюда».

Но мы же любопытные. Пока сам не потрогаешь — не поймёшь, что горячо. Кстати, о «потрогать». Это идея, конечно. Если я хочу закончить свои дни в пасти некой космической дряни из далёкого прошлого.

Очевидно, передо мной был артефакт. Явный артефакт. Древний.

Вон, как накинулся на бота. Уже три четверть конструкции сожрал и переварил. Ещё немного — и, похоже, возьмётся за меня.

Думай, Антон. Ты же обучен быстро принимать решения в сложных ситуациях. Тебя этому учили. Готовили.

Ха-ха-ха. Кому я вру? К тому, что меня захочет сожрать неизвестный артефакт богом забытой цивилизации, меня точно не готовили.

Еще через двадцать минут от моего бывшего бота не осталось ничего. Я поставил портативный щит на максимум, взял бластер в руки и медленно подошёл к ящику.

Посмотреть, что там происходит. Волокнистая масса лежала неподвижно. Мерцала и переливалась красивым синим светом. Свет стал ярче и насыщеннее, чем полчаса назад.

Раз ничего не происходило, я решил провести эксперимент. Скормить массе отвёртку. Убрав бластер — здесь он явно не нужен, — я аккуратно поднёс отвёртку к ящику и положил её на поверхность.

В ту же секунду она провалилась внутрь. Её буквально за мгновение сожрали. Даже не заметив. Вот это интересно. Броню они ели долго. А отвёртку — почти мгновенно. Попробую закрепить результат.

Следующим пошёл молоток. Я положил его на поверхность ящика. Он провалился внутрь и исчез так же быстро. Какое-то время масса шевелилась, бурлила.

Потом успокоилась. Наблюдая за этим пиршеством, я понял главное: субстанция голодна. Похоже, она здесь сидела на подножном корме и сейчас пыталась наверстать упущенное за последний хреналион лет.

Вопрос: а мне что делать? Инструменты скоро закончатся. Ещё несколько таких «прикормов» — и от снаряжения останутся только бластер с батареями.

А дальше что? Думая над ситуацией и не находя ответа, я принялся скармливать ящику остатки инструментов. В ход пошло всё: кирка, пневмоотбойник, ключи, отвёртки, один из двух генераторов, который уже подходил к концу.

Потом я попробовал дать энергобатарейку от бластера. И вот она субстанции, похоже, понравилась особенно. Масса бурлила долго. Явно требовала ещё. У меня оставались еще батареи. Я отошёл и стал внимательно изучать ящик со всех сторон. Обойдя его, с другой стороны, я увидел вогнутое место. Похожее на ладонь.

Только не такую, как у обычного человека, а раза в два больше. Хотя пальцев было тоже пять. И это радовало. Значит, древние всё-таки были похожи на нас. Это место мерцало жёлтым светом.

Видимо, после «пиршества» энергии стало хватать на включение каких-то функций, заложенных в артефакт.

Либо это я дурень и надо было сразу обойти ящик и осмотреть его внимательнее. Глядишь, и инструменты были бы целы. Хотя есть хорошая поговорка: и волки сыты, и овцы целы. Она здесь как раз к месту.

Я пока цел. И это меня несказанно радовало. Я ходил вокруг ящика и искал другие надписи, ладони, стопы — или что у них там было. Не нашёл. Только эту одну ладонь.

Дотронуться? И что будет? Съедят? Или сначала спросят? Как ни смешно, всё сводилось к одному: быть или не быть.

Не дотронусь — погибну здесь через два с половиной дня от нехватки воздуха и жара. Дотронусь — схарчат меня, такого молодого и вкусного.

Дилемма. Я ещё немного походил вокруг с задумчивым видом. Понял: других вариантов нет. Решился.

Я нашёл место, куда явно должна была ложиться ладонь, и аккуратно приложил к нему руку в перчатке скафандра. Ничего. Подержал так.

Подержал иначе. Покрутил ладонь. Ноль. Ящик как стоял и светился, так и продолжал стоять и светиться. Никакой реакции. Немного подумав, я понял.

Скафандр. На мне же перчатка.

Вот только температура на экране показывала триста шестьдесят градусов.

Голая рука сгорит секунд за десять-пятнадцать. Хватит ли их?

Или придётся жертвовать рукой.

Похоже придётся. Крема от загара я, конечно, не взял.

Чтобы не передумать, я отстегнул перчатку и приложил голую ладонь к выемке.

Тут же на стекле появилась надпись с знаком вопрос. И два варианта ответа. Вот весело.

Как будто я знаю их язык. Одни каракули с чёрточками.

Но если включить логику, вопрос был примерно таким:

«Отключить?»

И ответы: «Да» или «Нет». Интуиция предложила именно этот вариант вопроса и ответов.

Только который из них — «да»?

По своей логике я выбрал левый. Нажал и убрал руку. Ожог, похоже, я всё-таки заработал. Ладно, в капсуле подлечусь.

На что только не идёшь ради сохранения жизни. Особенно своей.

Похоже, мысли у меня были верные: древние рассуждали так же, сработал левый вариант. Ящик засветился ярче. Субстанция в нем растеклась по днищу и перестала светиться.

Поле пропало. Температура начала быстро падать.

Через тридцать секунд она вернулась в норму, и стала минусовой, как на любом астероиде в космосе.

У ящика выдвинулись ручки. Видимо, здесь всё было продумано. Мерцание исчезло. Ящик больше не светился.

— Кап..! Капит...! Капитан, помехи… Это Зануда. Связь восстановлена.

— Зануда, я выхожу. Готовь платформу.

— Капитан, как я рад вас слышать. Платформу уже отправляю.

— Отправь с платформой ремонтного дроида. Нужно вытащить один ящик.

— Принято, капитан. Ожидайте три минуты.

Я стоял возле погасшего артефакта, держась за выдвинувшиеся ручки, и пытался понять, что со мной произошло.

— Капитан, у меня вопрос: где вы были столько времени?

— В смысле — столько времени?

— Я вас расстрою, но вас не было двадцать шесть дней и восемнадцать минут.

Я замер.

— Сколько меня не было?

— Двадцать шесть дней, восемнадцать минут.

— Серьёзно?

Вот это я попал в аномалию. Нормально так отдохнул в стазисе.

— Капитан, расскажите. Я хочу знать всё, что с вами произошло внутри аномалии. Хочу услышать ваш рассказ, помимо записи с камеры скафандра. Такой прецедент — впервые. Нужно всё зафиксировать.

— Конечно, зафиксируй.

— И, Антон… не хотел вам говорить, но я уже успел вас похоронить.

— Спасибо, обрадовал.

— Слишком много времени прошло. Воздуха банально не хватило бы. Но я рад, что всё обошлось.

— Полагаю, это стазис, — продолжил Зануда. — Поле как-то влияет на время и сохраняет внутри себя всё живое на долгие годы.

— Или не сохраняет, а просто не даёт времени идти, — сказал я. — Не знаю.

— Это предстоит выяснить.

— Капитан, платформа ждёт вас. Дроид вынес ящик и крепит его на платформе. Жду вас. Медкапсула готова. Сначала — в неё, потом всё остальное. Кофе и еда готовятся.

— Принял, Зануда. Давай проверяй меня. Не знаю, что я там мог подцепить.

— Учитывая технологии прошлого, даже если что-то подцепили, узнаете об этом, вероятно, только после своей смерти.

— Уж поверь, я в курсе.

— Вы говорите, это было что-то технологичное? Мы вытащили этот ящик. Оно в нём?

— Похоже.

— Стазис и ящик сумели сохранить содержимое в целости. Возможно, одно без другого не работает. Это нужно изучить.

— Да, — сказал я. — И ящик, и то, что внутри него, теперь наша головная боль.

Причём с большой буквы.

— Твоя задача — разобраться, что там внутри. И как хочешь, но выучи язык древних. Любой ценой.

— Принято.

— Данные с камеры скафандра изучи досконально. Хоть сто раз пересмотри. Разберись, что это за технология и какой язык использовали древние.

— Хорошо.

— И, Зануда, найди аналоги этого языка. Как хочешь — но найди.

Зануда замолчал, осмысливая приказ и обрабатывая записи с камеры.

— Для полноты картины жду ваш рассказ.

— Хорошо.

Добравшись до корабля, я разделся и лёг в медкапсулу.

Через два часа крышка открылась.

— Зануда, почему так долго? Обычно тесты занимают меньше.

— Антон, для обычной ситуации я бы держал вас в капсуле не более тридцати минут. Но ситуация необычная. Пришлось сделать много тестов: кровь, пот, даже пыль с тела.

— И результат?

— Как ни странно, ваши показатели в норме. Есть усталость, повышенные гормоны стресса и голод. Ожог на руке пройдет через пару дней. Немного повышен сахар, снижено железо. Возможно, из-за стресса. Я дам мазь от ожога и скорректирую рацион.

— И всё?

— Я трижды прогнал все тесты. Трижды получил отрицательные результаты. Вы устали, и не считая ожога здоровы.

— Отлично. Я мыться, есть и спать. Остальное потом.

— Принято.

— Кстати, чужак где?

— Там же, где и был всё это время. Без движения.

— Хорошо. Готовь отчёт и думай насчёт языка. Надо понять, как общаться с этим динозавром.

— Хотя, судя по увиденному, их технологии… тот динозавр, похоже, здесь — это мы.

— Жалко боевого бота, — сказал я. — Но, видно, судьба у него такая.

— Судя по записи, он своей гибелью спас вас. Если бы он первым не вошёл в аномалию, вместо него, вероятно, съели бы вас. Он успел подкормить артефакт.

— Да, Зануда. Я о том же подумал.

— Всё. Я спать. Если что — буди.

— Принято, капитан.

— И, Антон… я рад, что вы вернулись.

— Я тоже, Зануда. Я тоже.

От оставшихся двенадцати часов до утра я провалялся почти всё время. Похоже, стресса я всё-таки хватанул прилично.

Проснувшись, я выпил кофе, позавтракал и пошёл на мостик слушать отчёты — и вместе с Занудой решать, что же мы получили.

И не пожалеем ли об этом в будущем.

— Капитан, на склад загружено пятьдесят четыре тонны обогащённой товарной руды с высоким содержанием неодима, празеодима и диспрозия. Содержание ценных компонентов — от четырёх до восьми процентов по массе. Средняя стоимость продажи оценивается в двадцать три кредита за килограмм.

— Поздравляю, капитан. Это хорошая цена.

— Спасибо.

— Также настоятельно рекомендую приобрести дополнительное оборудование и начать перерабатывать руду самостоятельно. Извлечение чистых элементов увеличит доход практически вдвое, а местами — втрое.

— Понял. Подумаю.

Я помнил, сколько стоят компоненты для перерабатывающего комплекса, даже по низу рынка это было дорого, а нам нужен был вариант получше, а это цена как за подержанный корабль.

— Ладно, придумаем что-нибудь. В будущем это действительно выгодно.

— Теперь, когда вы вернулись, нас ничего не держит. Мы можем отправляться на планету продавать руду, а затем вернуться сюда — к новой точке, где установлен маячок. Либо сначала собрать всю руду на этом астероиде и только потом лететь на планету.

— Скажи мне, Зануда: чтобы подобраться к новой точке, мы должны взлететь, а при взлёте нас сможет заметить чужак?

— Если мы находимся в режиме тишины и подавляем собственные поля, то всё зависит от их радара и частоты сканирования. Наш радар работает раз в час коротким импульсом. Его почти невозможно заметить, но и просканировать чужака он не может — только наблюдать.

— Думаю, у них так же. Но я бы не рассчитывал, что они дураки.

— Будем исходить из того, что нас заметят сразу же при взлёте. А вероятнее — нас уже заметили. При изменении нашего положения они поймут, что мы перемещаемся.

— Понял. То есть мы сразу засветимся. А потом просто перелетим на другую сторону астероида, снова приземлимся и объявим на всю округу: «Мы здесь, копаем, вот точка, летите все к нам».

— Именно так.

— Забыл, что бродягу обидеть и обобрать каждый хочет. Поэтому не будем рисковать. Взлетаем — и летим к планете. Руды у нас хватает, деньги будут.

— Капитан, по старой безопасной траектории мы пролетим недалеко от чужака на расстоянии 250 000 км. Предлагаю на подлёте провести сканирование и выяснить наконец, что за корабль находится здесь столько времени.

— За время вашего отсутствия я рассчитал две возможные траектории отхода на случай непредвиденных обстоятельств.

— И что это за траектории? Мы выживем, если используем их?

— Шанс выжить при их использовании — более шестидесяти процентов. Но часть оборудования придёт в негодность и потребует срочного ремонта.

— Ты хочешь сказать, что мы недавно отдали сервису миллион кредитов, я ещё банку должен больше ста тысяч — и можем снова попасть на деньги?

— Да, капитан.

— В сервисе над нами даже уборщики смеяться будут. Не успел улететь — снова ремонт. Зануда, ты моей смерти хочешь?

— Нет, капитан. Я перестраховываюсь.

— Спасибо. Очень успокоил.

— Но лучше иметь вариант на случай беды, чем не иметь его вовсе.

— Согласен. Вопрос не в манёврах. Как только мы взлетим, нас всё равно обнаружат. Можно не сканировать чужака и надеяться на авось: вдруг пролетим мимо, и никто нас не заметит.

— Но нас заметят точно.

— Либо мы сами дадим о себе знать, просканировав их первыми.

— Да. Они могут обидеться, что какой-то шахтёр их сканирует. И если их корабль мощнее нашего, у нас будет хотя бы шанс оторваться. В этом поле астероидов вопрос часто один: кто первый заметил — у того и больше времени. Либо рассчитываем на авось.

— Нет, Зануда. Авось здесь неприемлем. Слишком рискованно.

— Хорошо. Мы взлетаем, берём курс, через десять минут сканируем чужака — и уже по ситуации принимаем решение.

— Добро. По этому вопросу определились. Теперь по списку давай.

— Я подготовил список поломок и апгрейдов комплекса.

Я открыл файл.

Список был небольшой: двадцать шесть позиций. В основном расходники и большой апгрейд станции — на переработку и очистку руды от примесей и шлаков. Большой апгрейд мы пока не потянем, там сумма начиналась от 750 000 кредитов, нам пока рано, а вот все остальное по списку возьму.

Отдельно шёл список мелкого ремонта корабля. Вот там позиций было побольше: сто двадцать четыре.

Его я изучу позже, уже на планете.

— Зануда, я отправил тебе голосовые заметки со своими комментариями. Что думаешь?

— Думаю, ситуация уникальная. Нет методичек, где написано, что делать дальше. Нам предстоит путь проб и ошибок. Только так я это вижу.

— Да ты философом стал, я смотрю. Меня всего-то не было пару часов.

— Смешно, капитан. Вас не было целую кучу времени., а у меня было свободное время подумать.

— И у меня есть хорошая новость, — добавил он.

— Давай уж, не томи.

— Я, кажется, нащупал логику надписей на контейнере. Мне ещё нужно какое-то время: мощности не хватает. Но я разберусь. Не переживайте.

— А я и не переживаю, Зануда, разбирайся, я не тороплю.

Глава девятая. Эксперименты

— Что ты предлагаешь, Зануда?

— Я предлагаю небольшой тест с нашим питомцем.

— С нашим кем?

— С артефактом, капитан.

— Ну ты и выразился.

— Мне пришла идея: так же, как вы его накормили в пещере, попробовать активировать его здесь, на корабле. И посмотреть, что будет.

— А как ты представляешь себе активацию?

— Так же, как вы делали раньше: с помощью ладони. Кстати, она зажила?

— Да, ладонь вроде в порядке.

— Главное — больше не совать её в печь.

— Именно. По моим наблюдениям, после активации артефакт сделает запрос: либо попросит корм для субстанции, либо предложит другую функцию. Для начала предлагаю дать ему немного старых запчастей. благо, у нас их навалом. А дальше посмотрим, что он напишет.

— Согласен, капитан?

— Зануда, первая часть плана, думаю, удастся. Скорее всего, так и будет. Но что делать потом, когда он поест и начнёт задавать вопросы?

— Антон, это артефакт. По сути, он запрограммирован на стандартные запросы, тесты систем и выполнение своей работы. В чём бы она ни заключалась.

Раз он деактивировался в пещере, значит, условия для деактивации были выполнены полностью. Это мы уже знаем.

Теперь нужно понять, как его включать и как с ним взаимодействовать дальше. Если даже научимся включать — это уже прогресс.

— Ну хорошо. Я тоже так считаю.

На планете слишком рискованно: не хочу привлекать внимание. Давай попробуем здесь. Для начала — на поверхности астероида.

Поднесём запчасти поближе, скормим их и посмотрим.

— Согласен, — сказал Зануда.

Ремонтный бот вынес ящик на поверхность и поставил его в ста метрах от корабля. Туда же принесли несколько кусков старой обшивки, предварительно разрезанных на части.

Я подошёл, уже понимая, что делать, и приложил ладонь к выемке. В тот же миг надписи на ящике вспыхнули насыщенным жёлтым светом.

На экране крышки появился вопрос.

И три варианта ответа.

— Зануда, ну давай, читай. Что теперь делать будем?

— Капитан, предлагаю первый вариант. Это «обед для субстанции». Он вписывается в логику артефакта.

А вот два других мне непонятны. Возможно, это запуск теста системы. А возможно — что-то гораздо хуже.

Судя по запредельным технологиям, возможен любой вариант. Вплоть до уничтожения нашего корабля.

— Да уж. Умеешь ты приободрить.

— Я стараюсь быть точным.

— Ладно. Давай я сначала попробую дать ему еду без нажатия символов.

Я положил на крышку кусок старой брони. Ящик не среагировал. Экран продолжал мигать, ожидая выбора.

Зануда подумал и выдал:

— Как я и думал, это запрограммированный артефакт, и он подчиняется своей программе. Питание, скорее всего, доступно только после подтверждения команды. До этого, в анабиозе, он, умирая от голода, съел бота, минуя программу. Чтобы выжить. А теперь ждёт подтверждения.

— Давайте, как и в прошлый раз, нажмём левый символ.

— Хорошо. На свой страх и риск жму.

Кто меня надоумил идти в бродяги? Ведь жил же как-то без постоянного риска для жизни.

Немного побоявшись и набравшись храбрости, я нажал левый символ. Что бы он ни значил. Субстанция внутри засветилась синеватым.

— Похоже, мы её активировали, — сказал Зануда.

— Согласен. И, похоже, она готова к обеду.

Надпись всё ещё горела. Теперь на экране были уже два варианта.

Я положил на крышку запчасть. В ту же секунду она провалилась внутрь и начала растворяться в мерцающей субстанции.

Зрелище завораживало.

— Вы правы, капитан. Это удивительно.

Мы молча наблюдали. Через восемь минут всё закончилось.

— Интересно, — сказал Зануда. — Сколько ему нужно материалов, чтобы наесться?

— Думаю, много.

— Судя по свечению, оно всё ещё бледное. До сильной яркости ему далеко.

— Если, конечно, сильная яркость вообще предусмотрена создателем.

— Верно.

— Итак, первая команда установлена. Это успех.

— Предлагаю сразу узнать вторую.

— Как думаешь, Зануда?

— Капитан, повторюсь: следующая команда может быть куда опаснее. Мы даже не представляем, что нас ждёт. Судя по тому, что перед нами живой организм из технологий, может быть всё что угодно.

— Но вы правы. У самурая есть только путь, вперёд.

— Вот ты философ, доморощенный, на мою голову. Ладно. Жму второй символ.

На экране загорелся целый каскад символов. Они менялись, мелькали, складывались в новые сочетания. В конце концов ярко светились только четыре.

Ещё четыре десятка остались тёмными. Итого: у нас был выбор из четырёх светящихся символов.

— Капитан, думаю, нам дают выбор. Пока не нажмём — не поймём.

— Да, Зануда, я вижу.

— Но что за выбор — неясно.

— Знаешь, интуиция у меня молчит. Как будто артефакт сейчас не ощущается угрозой. Ну что, жму?

— Жмите, капитан. Самурай готов к смерти.

— Хорошо тебе самураем-то быть. А я вот жить хочу.

— Понимаю.

— Жму первый левый символ.

Крышка засветилась ярким синим. И открылась.

Субстанция внутри взмыла вверх, переползла через край и оказалась рядом со мной. Буквально в тридцати сантиметрах от ноги. Я перестал дышать.

На мне был скафандр, но я хорошо помнил, с какой скоростью она ела броню. Восемь минут. Я помнил. Но, как ни странно, что-то хрюкнув, субстанция поползла к кораблю. Причём очень быстро.

Мне пришлось бежать за ней.

— Зануда, что делать? Она сейчас сожрёт корабль!

— Антон, срочно перекрываю доступ на мостик и во все каюты. Но шлюзовые ворота закрыть не успею. Она уже внутри!

— Срочно перекрывай все коридоры! Всё, что можно!

— Принято, капитан. Входы заблокированы.

Субстанция добралась до технического коридора и остановилась перед дверью в техническое помещение.

Она ждала.

— Зануда, ты тоже это видишь?

— Да, Антон. Она ждёт.

— Похоже, у неё нет агрессии. Видимо, артефакт не агрессивный, и мы выбрали очередную программу. Она должна что-то сделать.

— Давай откроем дверь и посмотрим. Раз уж взялись за этот эксперимент.

— Открывай.

— Принято, капитан. Доведём эксперимент до конца.

Искин разблокировал дверь. Субстанция поскакала дальше, перепрыгивая с места на место.

Остановившись посреди помещения, она повертела головой — или тем, что можно было так назвать, — и остановила взгляд на генераторе щитов.

Задумалась секунд на двадцать-тридцать. А потом быстро сиганула на него.

И растворилась внутри шкафа с проводами.

— Ну вот и всё, — сказал я. — Доигрались.

— Сейчас наши щиты, похоже, схарчат.

— Зануда, что делать будем? Зануда, ты здесь?

— Да, Антон, здесь.

— Думаю, не всё так просто. Еда была отдельной командой. Мы выбрали другую функцию. Это точно. Я изучил несколько символов, но мне не хватает опыта и времени. Мало тестов. Нужно больше. Я начинаю серию тестов со щитами. Попробую в реальном времени понять, что там происходит.

— Хорошо.

Через три минуты Зануда снова заговорил.

— Стоп. Меня выкинуло из системы управления щитами.

— Как это?

— Как будто кто-то главный, выше меня по допуску, указал мне место и сказал: не мешай.

— Это как?

— Сложно объяснить. Прямой команды не было. Но я точно знаю: если ещё раз сунуться туда, получу по шапке.

— То есть тебя выкинули, даже не спросив разрешения? Как такое возможно? Ты же искин этого корабля. Все системы подчиняются тебе, разве нет?

— Системы по-прежнему работают штатно. Меня не выкинули. Мне отказали в доступе и попросили не мешать. Как будто идёт экзамен, а преподаватель просит тишины.

— И ты не будешь вмешиваться?

— Боюсь, если вмешаюсь, испорчу что-то важное. Дождёмся результата.

— Вот и приплыли.

Хотели теста — получайте и распишитесь.

— Ну, лишь бы на пользу. Остальное не страшно. Зануда, я в душ. В скафандре упарился. Будут изменения — сообщай.

— Принято, капитан.

Прошло четыре часа.

Я принял душ, поел, даже полчаса повалялся в кровати. Переоделся, выпил кофе и сел в кресло на мостике — решать, как лететь мимо чужака.

Как вдруг:

— Капитан, вы не поверите что случилось!

— Внимательно слушаю.

— Артефакт закончил работу со щитами. И могу утверждать однозначно: вы чертовски удачливый парень, капитан.

— Взгляните на щиты.

Я открыл отчёт.

И мои глаза чуть не вылезли из орбит.

— Как такое возможно?

Щиты стали на порядок лучше. Щиты 40/100.

Это были лучшие щиты из доступных для малого класса кораблей.

— Капитан, я тут изучаю наш артефакт. Взгляните.

Я сорвался с мостика и помчался по узким коридорам к шлюзу. Надел скафандр и прошёл в техническое помещение, где стоял ящик. От него к генератору щитов тянулись силовые провода.

Субстанция вылезла обратно. И была явно уставшей. Это было видно по свечению: оно потускнело и почти не блестело.

Она медленно поползла обратно к ящику. Я шёл следом, размышляя о перспективах и дальнейших планах.

Доползая до ящика, субстанция заползла внутрь. Символы, которые раньше горели ярко, теперь были тусклыми и почти не светились.

Крышка закрылась. Ящик погас.

— Капитан, вы поняли, что произошло?

— Да, Зануда.

Мы выиграли джекпот.

— Верно, капитан. И главное — теперь мы уверенно знаем: две команды отвечают за еду и ремонт.

А третья команда, на моё личное мнение, — это оружие либо лечение.

Но, как стало понятно, на ремонт щитов артефакт потратил все накопленные силы. Без них он больше ничего не сможет.

Помните, большинство символов не подсвечивались? Горели только четыре.

— Да, Зануда, помню.

— Значит, артефакт нужно накормить до отвала, чтобы все символы светились. Тогда он, скорее всего, починит часть нашего оборудования. А с высокой вероятностью — ещё и улучшит его.

И сервис для этого больше не нужен.

Представляете наши возможности?

— Ещё как представляю.

Можно сэкономить на покупке новых запчастей. Не только отремонтировать старые, но и улучшить их.

— Зануда, давай кормить. Продолжаем тест. Пробуем накормить его до отвала и пусть отремонтирует что-нибудь на корабле. Благо, у нас полно ремонтно-пригодного оборудования.

— Согласен, капитан. Я сам в предвкушении.

Следующие восемь часов мы скармливали артефакту всё, что у нас было. Он ел всё. Но предпочитал энергоёмкие вещи: батареи, аккумуляторы, генераторы. До отвала наполнить его мы так и не смогли.

Зато после подтверждения второй команды на экране появилось уже не четыре, а четырнадцать светящихся символов. Все еще мало, но уже лучше.

— Похоже, накормить артефакт — дело серьёзное. У нас просто нет столько мусора и времени.

— Выяснить, что он будет чинить в этот раз, можно только опытным путём.

— И я, как в прошлый раз, жму следующий символ.

Ящик открылся.

Субстанция вылезла и поскакала в сторону корабля. Весело так поскакала, быстро. Видно, что энергия появилась. В этот раз двери мы не закрывали: решили всё увидеть и зафиксировать.

— Зануда, ты пишешь?

— Конечно, капитан. Фиксирую всё, вплоть до малейших деталей.

Субстанция допрыгала до шлюза, подползла к силовому шкафу, долго присматривалась, скрутилась — и прыгнула внутрь. Растворилась.

— Зануда, похоже, мы его направили в шлюз. Но что здесь можно ремонтировать или улучшать?

— Капитан, улучшить можно многое. Я даже не берусь предполагать возможности артефакта.

Что касается ремонта — сейчас узнаем: тупит механизм закрытия ворот шлюза. Закрытие занимает сорок секунд, хотя по нормативу должно быть двадцать. Искин шлюза устарел, начинка требует замены. Главную балку тоже нужно ремонтировать: её механизм изношен на пятьдесят процентов. Зарядные станции для ботов устарели, работают на износ и долго заряжают ботов. Горнодобывающий комплекс, запитанный от корабля, не получает нужного количества энергии: идут потери в соединениях проводов и шлангов. В нескольких местах перебиты силовые провода.

— Понял, Зануда понял. По мелочи здесь полно работ.

— Так точно, капитан. Поэтому я даже не решаюсь предположить, что здесь можно улучшить.

— Ладно, подождём. Может, в этот раз будет быстрее.

Прошло два часа ожидания, я уже сидел, прислонившись к стенке.

— Зануда, я тогда спать. Раз, похоже, всё надолго.

Кстати, как там наш чужак?

— Всё так же на месте, капитан.

— Хорошо. Разбуди, когда артефакт переползёт в ящик. И поставьте его обратно в каморку на корабле.

— Есть.

Проснувшись утром, я выпил кофе, позавтракал, оделся и пошёл на мостик узнавать новости.

— Доброе утро, Антон. Новости хорошие.

— Докладывай.

— Во-первых, с артефактом всё прошло штатно. Это уже повод для радости. Поэтому будить вас не было необходимости. Теперь мы знаем о нём немного больше.

Во-вторых, я долго думал и понял: когда артефакт наполнен энергией, он творит чудеса. Думаю, наш щит мог стать ещё лучше. Но это проверим потом.

Так вот: все поломки, о которых я знал и не знал, артефакт отремонтировал. И даже выдал отчёт.

Я вам его скидывать не буду: там сплошные символы.

Но мы смогли взаимодействовать с ним.

Не как с оборудованием или программой. Скорее — на глубинном уровне. Он доносит до меня свои… мысли. А я их понимаю.

Сам я объяснить это не могу, поэтому не спрашивайте.

— Продолжай.

— Когда он показал мне поломки, я увидел, сколько в шлюзе недочётов и недоработок. Всё настолько примитивное, что он не понимал, с чего начать.

Для него наш шлюз — как жилище из палок в лесу, которое нужно переделать в тёплый кирпичный дом в городе. И даже это сравнение будет неточным.

Но суть, думаю, вы уловили.

— Подожди, Зануда. Получается, наша технология настолько примитивна, что он даже не понимает, что именно ремонтировать и улучшать?

— Да, Антон. Именно так. Он получает команду найти и отрегулировать нужный отсек, прибор, агрегат или оборудование. Что-то, что заложено в его программу.

Он находит. И дальше у него начинается ступор. Потому что то, что он нашёл, не соответствует протоколу. Вроде то. А вроде и близко не то.

— Да, похоже, понимаю.

То есть мы не просто отстали в технологиях. Мы хуже аборигенов в пещерах.

— Да, капитан.

Он даже спросил у меня помощи: как находить нужное оборудование после ремонта шлюза?

Теперь я буду направлять его, показывая, где и что находится.

Он оставил во мне часть себя — примерно одну миллионную долю — чтобы нам было проще взаимодействовать.

Благодаря его ресурсу у меня прибавилось мощности.

— Вот это да, Зануда.

А это не опасно? Он не захватит весь корабль?

— Нет, капитан. Этот артефакт не захватывающий. Это рабочий модуль.

И он в шоке от наших технологий. Если так можно выразиться.

Я не почувствовал желания захватить корабль.

Ведь тогда ему придётся погибнуть, улучшая всё, что он видит, до приемлемого качества.

— Понял тебя, Зануда. Я на мостик. Давай скорректируем наши планы.

— Прежде чем взлетать с планеты, Зануда, нам нужно обсудить последние новости.

— Слушаю, капитан.

— Мы выяснили, что наш артефакт работает по заданному шаблону. Умеет ремонтировать и улучшать наше примитивное оборудование. Верно?

— Да, капитан. Верно.

— Также мы установили с ним связь. Теперь можем быть уверены, что понимаем друг друга на глубоком уровне. Так?

— Да, Антон. Хотя сарказм я чувствую.

— Хорошо, дальше.

— Помимо взаимопонимания, мы знаем, что артефакт способен улучшать искины, так?

— Да, капитан. Но не уверен, что он пойдёт на это снова.

— Почему?

— По сути, это живой организм. Если образно, он оторвал от себя живую часть и интегрировал её в меня. А это было больно даже мне.

Зануда сделал паузу.

— Не представляю, что испытывал он сам. По сути, это было сделано от безысходности и от шока перед нашими технологиями.

— Хорошо, принял. Другие искины не улучшаем. Только тебя.

— Да. Но не потому, что я хочу быть уникальным, а это был сарказм, я понял.

— Вот и ладно.

— Далее. Мы начали понимать его письменный язык?

— Капитан, не скажу, что не понимаю — это будет неправдой. Скорее, я нащупал ключ к пониманию языка. Через некоторое время загадкой он быть перестанет.

— Принято. А сколько, по-твоему, потребуется времени?

— Дайте мне неделю и два-три теста. Тогда я начну не читать, а подбирать аналоги на нашем языке. Слова и смыслы различаются.

— На примитивный, ты хочешь сказать.

— Именно поэтому и возник симбиоз между мной и артефактом. Он поможет мне обучиться. Я помогу ему освоиться.

— Партнёрство.

— Хорошо, принято. Даже интересно, во что выльется подобный симбиоз.

— Для меня это тоже новый опыт, капитан. Такому не обучают в академии искинов.

— А-а, чувствую сарказм теперь в твоём голосе.

— Да, Капитан. Ну не всё же вам меня подкалывать.

— Хорошо. Остался последний вопрос по артефакту. У него остались скрытые возможности. Что это может быть, Зануда?

— У нас нет необходимых средств, чтобы это проверить. Дайте время и достаточное количество ресурсов — и тогда раскроем его третью функцию.

— Мы ещё даже со второй не разобрались, сказал я.

— Этот артефакт глубже, чем мы думаем. По сути, когда будем его использовать, то задействуем, возможно, десять процентов его настоящих возможностей.

— Хорошо, принято. Кормим, изучаем, используем.

Я подошёл к обзорному экрану. Вдали, за пылевой дымкой, находилась отметка чужого корабля.

— Теперь по нашему чужаку. Как и договорились ранее. Первое: взлетаем, встаём на курс и летим в его сторону. За десять минут до подлёта сканируем. Если нужна помощь — оказываем.

— Второе: если он мирный, то мы такие красивые, грациозно пролетаем мимо. Может, общаемся. Узнаём новости. Но, честно говоря, я сомневаюсь в этом варианте.

— Третье: если он проявит агрессию, но окажется слабее нас — свяжем боем и накажем.

— Четвёртое: если он сильнее нас, и мы оба это поймём — валим к планете со всех ног. Как ты тогда говорил?

— Как носороги, Капитан, сшибая булыжники на своём пути. Как говорится: если ты носорог, и у тебя на пути булыжник, то это проблема булыжника.

— Принято, Зануда. Действуем!

Двигатели проснулись с низким гулом. Планета дрогнула под посадочными опорами, и груженый корабль оторвался от поверхности.

— Взлёт.

Глава десятая. Во всем должен быть баланс

— Капитан, стоп.

— Что случилось? Проблема? Поломка?

— Нет, Антон. Меня зовёт артефакт. Он спрашивает, можно ли ему расположиться здесь, рядом со мной. На капитанском мостике.

Я замер.

— Это что сейчас происходит, Зануда? Может, лучше поломка, а? В смысле — расположиться на мостике? Он тут что, берлогу свою сплести хочет?

— Капитан, он нас слышит. Он как бы это словами выразить… Его функция — ремонт и улучшение. Он не нуждается в убежище. Да, именно в убежище. Этот ящик — это убежище.

— Стазис, законы пространства, что-то с триллионами лет — я не понимаю. Он передаёт: нет, не так. Он видит направление в сторону мостика. Да! Точно — направление. Он предназначен для мостика. Верно.

— Находясь здесь, он всегда реагирует на изменения и способен выполнять свою функцию. С направлением. Не до конца понятно, но, похоже, в нашей команде прибыло.

— Слышу сарказм, Зануда.

— Я задумался. Знаешь, давай попробуем. Я уже перестал чему-либо удивляться. Если говорящий артефакт из забытой эпохи будет нас учить жить, отлично. Хочет на мостик? Вперёд, пусть ползёт. Только пусть ничего здесь не трогает. А то будем ещё сутки ждать нового ремонта. Потом уже тесты проведём на планете.

— Хорошо, капитан. Без команды он ничего не сделает. Сейчас он растворился внутри моего шкафа с кабелями. Ему там комфортнее. Он передаёт мысли: питается энергией, и ему там тепло. Он показывает мне своё место, капитан. Как его обустроить, где всегда есть энергия и комфорт.

— И знаете, капитан, я даже не буду говорить, сколько это будет стоить.

— Ну, конечно. Говорящий артефакт, который хочет меня разорить. А что я, собственно, ожидал? Бота он уже схарчил, а это было дорого и больно кошельку.

— А что с ящиком делать? С убежищем, спроси.

— Убежище… Артефакт говорит, что оно поглощает и отражает суть вещей. Но я не понимаю, что это значит.

— Отражает? Так это он отражал наши буры, что ли? Ещё один отражатель моего кошелька. Понабрал отражателей — теперь мучайся.

— Так. Понял. Похоже, обоим нужно больше тестов. Убежище пока оставляем в покое. Отнеси его в мою каюту. Пусть перед глазами стоит. Потом решу, куда его деть.

— Принято.

— Теперь можем взлетать или еще что-нибудь выяснится?

— Да, капитан. Теперь — взлёт.

Реактор заработал. Стало слышно, как он раскручивает энергию внутри себя. Двигатели плавно загудели, продуваясь от пыли. Опоры ушли внутрь корпуса, и корабль медленно поднялся, оглушая пространство гулом сопел.

Ну вот и всё. Если и была маскировка, то она только что исчезла.

— Щиты на полную мощность, Зануда.

— Принято.

— Курс на планету, малая тяга.

— Принято, капитан. Расстояние до чужака — десять миллионов километров и сокращается. Расчётное время — двадцать девять минут.

— Хорошо, продолжаем.

Чужак стоял на месте. Не двигался.

Это отлично. Только бы не сглазить. Я же удачный. Пусть и дальше удача будет на моей стороне.

— Расстояние шесть миллионов километров. Расчётное время — восемнадцать минут. Продолжаем полёт. Чужак на месте. Расстояние четыре миллиона километров. Расчётное время — шесть минут.

Ну, была не была. Вот и узнаем, какая она на вкус, эта удача.

— Зануда, отчёт.

— Расстояние два миллиона километров. Начинаю сканирование. Боевая тревога. Боевая тревога. На мостике вспыхнул красный свет. Все вокруг озарилось ярким красным светом.

— Боевая тревога?! Зануда, что, твою мать, происходит? Отключи тревогу!

— Капитан, там… там крейсер, капитан!

— Что???

Из всех самых плохих вариантов мы выбрали самый худший. Вот тебе и эффект накопленной удачи. Значит, и неудача будет соответствующей. Баланс — он во всём. Даже в удаче.

— Что с кораблём, Зануда? Он на земле или взлетает?

— Капитан, от крейсера требуют выйти на связь. И они прогревают двигатели. Похоже, планируют взлететь.

Так. Панику — оставить. Видимо, пытаются нас задержать. Пока я буду общаться, они начнут взлет.

— Включай связь. Но меня не показывай, пусть сами палятся. И через тридцать секунд превращаемся в носорога. Понял? Ровно через тридцать секунд, не позже!

— Принято. Всегда мечтал побыть крупным и сильным.

— Искин, включи связь. Не будем игнорировать. Вдруг удастся договориться по-доброму.

На экране возникло искажённое лицо. Широкая ухмылка, шрам через бровь, глаза человека, который давно привык брать, а не спрашивать.

— Говорит капитан этого здоровяка Гавр. А ты кто такой, наглец? Ты что, бессмертный? Взял и просканировал меня? Страх забыл дома, или мозги? Ай-ай, совсем совести нет у тебя. Отзовись, самоубийца.

— Меня зовут Антон. Я капитан этого судна. Мы просто пролетаем мимо. Месяц искал минералы — ничего не нашёл. Припасы закончились, возвращаюсь домой. Я вас больше не потревожу. А вы можете дальше сидеть и делать, что вы там делали.

С мостика врага донеслось ржание.

— Смотрите-ка, как зубы заговаривает. Учитесь — сказал кто-то. У самого полный трюм редкоземов, а он мне про пустые баки рассказывает. Аж слезу пустить хочется.

Смех усилился.

— Мы его уже просканировали и всё видим. А он нам зачёсывает. Совсем не уважает нас ребята.

— Слушай сюда, самоубийца Антон. Сейчас мы твои кишки…

И в этот момент наш корабль взял разгон!

Наш грузовоз рванулся вперёд со скоростью, не свойственной его классу. Корабль ушёл в сторону выхода из астероидного поля.

— Так ты не только наглый, но ещё и быстрый. Подожди нас, не убейся об астероид! Нам тебя ещё на абордаж брать! С мостика снова донеслось ржание.

— Зануда, не маневрируй — не успеем. Давай напрямую.

— Капитан, шанс встретиться с астероидом довольно высокий.

— Плевать. Гони вперёд. Они почти взлетели. Там малый крейсер. У них импульсный двигатель. Он разгоняется в три раза быстрее нас.

— Гони!

— Понял. Третий вариант траектории. Вот теперь жму всё.

И корабль стал набирать скорость ещё быстрее.

— А ты шустрый. Ух, прямо заинтересовал меня. Ну ничего, сейчас догоним. Дай только взлететь. Твой корабль будет моим трофеем.

Слышался шум на мостике пиратов: уходит! Стреляй, в падлу!

— Зануда, манёвр! Бегом!

В последний момент мы ушли в сторону. Луч лазера прошёл рядом с корпусом. Но мы задели небольшой астероид и разбили его в дребезги.

— Щиты 29/100.

— Вижу. Плевать. Щиты восстановятся. Задели — и ладно. Гони быстрее!

— Уклонился от выстрела? Неплохо, неплохо. А ты шустрый. Твой корабль теперь точно станет моим трофеем, люблю шустрые суда.

Пират, похоже, потирал ладони.

— Взлетай быстрее! Далеко уходит, не успеем перехватить! - говорили на мостике.

Он даже не отключил связь. Я слышал всё, что происходило у него на мостике. Он был настолько уверен, что догонит и накажет, что плевал на все приличия.

Я не отвечал. И так было понятно: пираты. Но что они забыли здесь, в этом поле? И почему так долго сидели, не показываясь?

— А мы давно тебя видели и наблюдали. Тебе повезло, что до тебя руки не дошли.

Кто-то шепнул ему: — Эта падла щас уйдет, Разгоняйся!

— Ну вот и всё. Прощайся с жизнью, наглый самоубийца Антон.

Малый крейсер взлетел и начал разгон.

Конечно, у пиратов крейсер был не таким мощным, как у военных. Латаный-перелатанный, с кучей переделок. Но крейсер есть крейсер. Главное отличие — его скорость, манёвренность, щиты и основной калибр, которого нет у обычных кораблей малого класса. Его основной калибр, это лазерная установка дальнего действия. Для нас – это смерть.

Я отключил связь. Всё и так было ясно.

— Зануда, он встал на курс. Бей по ближайшим астероидам. Собьём ему прицелы и датчики. Пусть немного помучаются.

— Принято. Огонь!

Астероид разлетелся на множество камней.

— Зануда, по готовности — ещё!

— Огонь!

— Лазер готов. Стреляю.

— Капитан, сбит ещё один астероид. Мы создали месиво из камней.

— Зануда, не нужно мне каждый раз рассказывать про камни. Просто бей.

— Понял. Бью. Подключаю турель.

Корабль тряхнуло. Мы врезались в астероид.

— Капитан, 18/100. Ещё одно касание крупного астероида — и мы без щитов. Генератор не успевает их восстанавливать.

— Артефакт спрашивает разрешение. Он может помочь с накачкой щитов.

— И ты молчишь, срочно, даю добро. Ты ещё спрашиваешь? Пусть срочно помогает. Мы теперь в одной лодке.

— Принято.

Щиты поползли вверх: девятнадцать из ста. Потом двадцать. Наполнялись. Ну хоть здесь помощь, откуда не ждали. Генератор вместе с артефактом работал быстрее. Шанс выжить стал немного выше.

— Быстрее, Зануда. Мы почти вышли из поля.

Корабль снова тряхнуло. Я упал на пол. Из носа пошла кровь.

— Что это было?

— Ударились о крупный булыжник, капитан. Щиты 4/100. Наполняются.

— Твою мать. Щитов почти не осталось.

Мы вырвались из астероидного поля и на максимальной скорости взяли курс на планету.

— Зануда, бей по астероидам и врубай форсаж. Жги движки. Плевать на ремонт.

— Через сколько будет связь с космопортом?

— При текущей скорости — через пятнадцать минут.

То есть нужно ещё пятнадцать минут выживать. Понятно.

Я стал смотреть в камеры. Позади был ад из камней и пыли.

— Зануда, сколько раз мы успели выстрелить?

— Из лазеров — девять раз. Кинетическая турель стреляла без остановки. Сейчас идёт перезарядка.

— Все мощности щитов в хвостовую часть. И ходу, ходу!

— Капитан, двигатели в красной зоне. Максимальная скорость — семьсот двадцать миллионов километров в час. Щиты 19/100. Наполняются.

— Отлично. Появился шанс выжить.

Захочет ли пират высовываться из поля? Непонятно. Там его не видно. А здесь про него узнают — и могут надавать по рогам.

— Зануда, где крейсер?

— Капитан, смотрите…

На экране появился крейсер, расшвыривая обломки и астероиды передней бронёй, не маневрируя, на полной скорости он вылетел из поля — прямо за нами. Как акула, преследующая цель. Он даже не включил щиты. Камни отскакивали он его брони, пыль ее обтекала.

Расстояние пока не позволяло им прицельно стрелять. Но скоро оно начнёт сокращаться. Как только крейсер выйдет на максимальную скорость…

— Зануда, сколько у нас времени до встречи?

— Шесть минут. После этого они смогут стрелять из основного калибра.

— Мы выдержим залп?

— При полных щитах — один залп. Только один.

— А дальше?

— Его основное орудие будет перезаряжаться. И когда зарядится, выстрелит снова. Боюсь, к тому времени наши щиты не успеют восстановиться. Этот выстрел мы просто не переживём.

— Понял. Но они не знают, что мы можем выдержать два залпа. Скорее всего, рассчитывают попасть в двигатель, остановить нас, а потом отбуксировать к себе на астероид и взять на абордаж.

— Значит, будут осторожничать. Сыграем на этом, сказал Зануда.

Крейсер постепенно догонял. В этом секторе не было торговых маршрутов. А значит, не было и других кораблей. Мы были предоставлены сами себе.

Помощи ждать неоткуда.

— Зануда, спроси у артефакта: сможет ли он быстро накачать щиты после их выстрела? Сколько ему нужно времени?

— Он сможет, капитан. Но сил больше не будет. Он отдаст всё, что есть, на накачку щита.

— Понял. Скажи ему: пусть так и делает. Выживем — накормим.

— Принято.

Нам нужна связь. Только бы добраться до неё, думал я. Есть шанс, что пираты, не включив щиты могли потерять в этот каменном аду часть своих камер и датчиков, расположенных на корпусе. Может это нам хоть как-то поможет.

— Связь появится через три минуты.

— Капитан, перегрев двигателя. Опасность.

— Да знаю я, что опасность. Знаю, что перегрев. Скорость не снижать.

— Принято.

— Командир, держитесь. Выстрел!

Корабль сильно тряхнуло. Я чуть не вывалился из кресла.

Нас задело по касательной. Видимо, они торопились или потеряли все-таки часть датчиков и камер. Но промазали.

— Щиты 16/100. Накачиваются. Я слежу — сказал Зануда.

— Понял. Мы можем выстрелить в них?

— Нет, капитан. Дальность не позволяет.

— Но тогда и у них, кроме основного калибра, ничего нет.

— Да, капитан. В этом есть свои плюсы.

— Да ты оптимист, Зануда.

— Стараюсь.

— Две минуты до зоны связи.

— Капитан, выстрел!

И в этот раз попали по нам точно.

От силы удара нас, как мне показалось, даже ускорило. Меня ещё тридцать секунд мотало из стороны в сторону. Голова болела. Тошнило.

— Капитан! Капитан! Повреждение топливной системы. Течь!

— Переведи подачу топлива на второй бак. Первый пожароопасен.

— Понял вас.

— Сейчас приду в себя, голова болит.

— Капитан, после второго выстрела они замедлились. Думали, добьют нас, и ошиблись. Хотели взять на абордаж.

— А теперь? В глазах двоилось.

— Снова ускорились. Видно, что не ожидали, что мы выживем. Но теперь мы успеем передать информацию.

— Связь через тридцать секунд.

— Вызов с крейсера.

— Зануда, прими.

— А ты не так прост, да? Удивил, удивил. Хотел тебе жизнь оставить, но раз так… Где ты нашёл такие щиты? И ведь не скажешь, судя по твоей пузатой хрени. Эх, жалко корабль. Ну да ладно. Уже неважно. Я зол на тебя. А значит время умирать. Без лишних слов – просто прощай, бессмертный Антон, выпей там за меня.

И основной калибр выстрелил.

Пираты понимали: щиты не успеют восстановиться после последнего попадания. Даже имея самый продвинутый генератор щитов, наполнение максимум — наполовину. А это гарантированная смерть.

Даже жалко столько минералов. Да и корабль не лишний, явно денег вложено немало, вон какая скорость. Но от судьбы не уйдёшь. Оставлять в живых противника нельзя. Тем более он их видел. Крейсер не рискнул войти в зону связи. Он начал разворот. Каково же было удивление на его мостике, когда после выстрела «пузатая хрень» не только не взорвалась, но даже не замедлила ход — и продолжила лететь к планете.

— Ублюдок, как ты выжил? Что у тебя за щиты? Откуда??? Я запомнил тебя. Ещё встретимся, бессмертный Антон, — сквозь зубы проговорил Гавр.

Выстрел основного калибра разнёс наши щиты в клочья.

Броня была пробита в десятках местах. Один двигатель повредило. Второй еле дышал от перегрева и вскоре сгорел. Посадочный генератор, питавший тормозные двигатели, вышел из строя. В хвостовой части начался пожар.

Пока меня носило по мостику, и я отхаркивал кровь, не понимая, где верх, а где низ, Зануда сбросил скорость до минимума, потушил пожар и принялся за ремонт брони.

Артефакт вывалился из шкафа прямо на мостик. Он лежал неподвижно. Серый. Погасший.

— Зануда… мы живы?

— Да, капитан. Благодаря артефакту мы выжили. Сжигая себя, он остановил последний выстрел.

— Вы были правы: они испугались зоны связи. Здесь их быстро вычислят. Капитан, вам плохо! Капсула готова. Идите. Я прослежу за остальным.

Я, находясь в бреду, понял только одно: мы выжили. Остальные слова были фоновым шумом. В глазах стояла кровавая пелена. Голова гудела. Тела я не чувствовал. Передвигаясь на корточках, я думал лишь об одном: доползти до капсулы. Как-нибудь доползти. Ползя, кряхтя и оставляя за собой кровавый след, я добрался до медблок и залез внутрь капсулы.

Дальше была темнота.

Я открыл глаза. Первое, что почувствовал, — лёгкое головокружение.

Капсула была открыта. Я сидел в ней и пытался прийти в себя. Из новостей: я жив. Тело своё чувствовал, но была сильная слабость. Я встал на ноги — и медблок качнулся перед глазами. Без поддержки стены стоять я не мог.

Так, держась за стенку, я передвигался вперёд и дошёл до мостика. Весь, вспотев, я сел в кресло и закрыл глаза.

Корабль летел. Я чувствовал это всем телом. Значит, мы идём к планете. Зануда молчал. А раз молчал — значит, ничего смертельного не происходит. Кофе стоял на подставке. Значит, Зануда ждёт от меня вопросов. Не дам ему такого удовольствия. Пусть нервничает.

Трясущейся рукой я поднёс чашку ко рту и сделал глоток. Понял. Сейчас обольюсь. Я поставил чашку обратно. Потом заставил себя встать и пойти в каюту.

Зануда по-прежнему молчал. Я дополз, держась за стену, до каюты и упал в кровать. Как уснул — уже не помню.

Зануда наблюдал за капитаном. Он понимал: раз Антон идёт по стенке и выглядит как полутруп, состояние у него как минимум плохое.

Вот он подходит, падает в кресло, молчит, озирается по сторонам. Потом берёт чашку с напитком и делает глоток. Зануда видел, как дрожит рука капитана. Как тяжело тому держать чашку.

Но Зануда молчал. Он не прерывал тишину. Он знал: капитан оценивает ущерб. Увидел, что корабль движется. Понял, что опасность миновала. И было видно, как Антон расслабился. Поняв это, Зануда так же молча позволил ему уйти в каюту.

Медкапсула сделала всё, что могла: затянула раны, сделала несколько инъекций, ввела препараты и витамины. Двое суток Антон пролежал в ней, приходя в себя.

Но его состояние оказалось хуже, чем рассчитывал Зануда. Он видел, как капитан упал на кровать и уснул. Видел, как во сне шевелятся его пальцы — как будто даже там, во тьме, Антон продолжал бороться и пытаться выжить.

Зануда не мешал. Он выключил свет. И каюта погрузилась во мрак.

Я очнулся ещё через двое суток. Во рту было сухо. Очень хотелось пить. На столе стоял стакан с соком. Я выпил его с удовольствием. Потом вспомнил, как шатаясь шёл по коридору, держась за стену. После напитка стало заметно лучше. Я решил сходить в душ.

Мостик от меня никуда не денется. После душа, переодевшись в чистое, я наконец почувствовал себя слегка больным человеком. Пошатываясь, побрёл к мостику.

Есть не хотелось. Только пить. Сев в капитанское кресло, я взял чашку кофе с подноса и сделал первый глоток. Напиток был горячий, обжигающий. Но именно его мне и не хватало — чтобы ощутить вкус жизни и почувствовать себя немного лучше.

Первым не выдержал Зануда. Он закряхтел, прокашлялся — в ожидании вопросов. Я решил его подколоть.

— Зануда, если ты заболел, прими таблетки. Если вирус подцепил на первой же станции — прогоним тебя по тестовым системам. А если разучился докладывать старшему — научим.

— Капитан, — ответил Зануда, — если вы не в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.